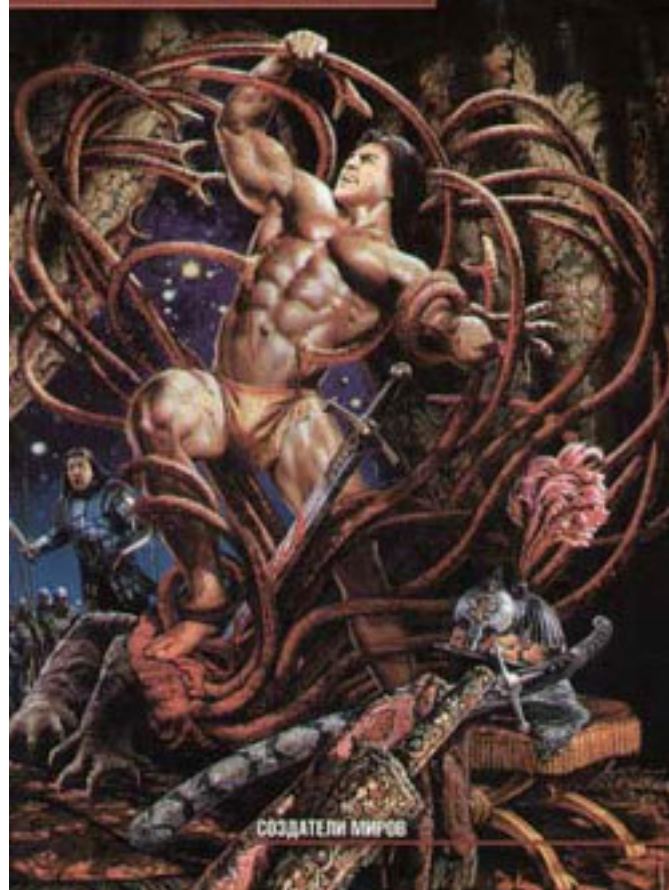

**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**

ТРОН ИМПЕРАТОРА

Мир Ашшура

Александр Мазин
Трон императора

«Автор»

1996

Мазин А. В.

Трон императора / А. В. Мазин — «Автор», 1996 — (Мир Ашшура)

Он стал императором не по праву рождения, а по праву меча, но много лет повелевал сильнейшей из Четырех Империй, повергая и внешних, и внутренних врагов. Но однажды в столицу его империи пришел четырнадцатилетний юноша из горного клана воинов. Пришел, чтобы занять Трон Императора.

© Мазин А. В., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	21
6	25
7	30
8	35
9	39
10	41
11	44
12	51
13	55
14	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Мазин

Трон императора

Часть первая

ВЕЛИКОНДАР – СТОЛИЦА КАРНАГРИИ

1

Мощенная квадратными плитами дорога, огибавшая площадь, называлась Белой, поскольку соединяла Царские ворота и дворец Царя царей, Императора Карнагрии. В эти ранние часы дорога, в общем-то, отвечала своему названию благодаря трудам городских метельщиков. Но первые навозные плюхи уже «украсили» ее, а к полудню прохожим придется очень внимательно глядеть под ноги, чтобы не соскрести потом липкое и вонючее с подошв.

Час был ранний, однако торговля уже началась, и мальчишки-зазывалы вопили во всю мочь отдохнувших за ночь глоток.

Но это на рынке. У домиков же, выстроившихся вдоль Белой дороги, в это время суток было далеко не так оживленно, как в более темные часы. То, чем здесь торговали, ночью пользовалось большим спросом, и здешние зазывалы к утру притомились. Тем не менее трех воинов в красных доспехах и таких же красных плащах, гордо шествовавших по самой середине улицы, пытались остановить трижды на протяжении всего пятидесяти шагов. Щедрость и любвеобильность лучших солдат Карнагрии, Гвардии Императора, Алых, равнялась их воинской доблести. Но воины только отшучивались. Они уже избавились от избытка семени и искали других развлечений.

И нашли.

На деревянной лесенке, ведущей к занавешенным красно-черной тканью дверям, на корточках сидел самериец.

Трое Алых, как по команде, замедлили шаг и переглянулись. Из-за плеча чужеземца торчала рукоять меча. Заманчиво!

– Эй, брат, – громко сказал один солдат другому. – Что там делает эта грязная обезьяна?

– Я думаю, обезьяна гадит! – отозвался второй.

И испустил соответствующий звук.

– А почему она не сняла штаны? – поинтересовался первый.

– Потому что это самерийская обезьяна! – подчеркнуто серьезным тоном ответил второй. – У них там ходят голышом. Она привыкла.

– Да нет! – вмешался третий. – Она просто засмотрелась на ту ослицу. Знаешь, у самерийцев слабость к ослицам. Засмотрелась и забыла снять штаны.

Трое остановились напротив лесенки.

Мишень их шуток, самериец, даже не шелохнулся. Его широкое, с темной, морщинистой кожей лицо не выражало никаких эмоций. Как будто он не понимал карнитского диалекта.

Алых это еще больше раззадорило.

– А почему она не кланяется нам? – спросил третий. – Почему вонючая самерийская жаба не выказывает нижайшее почтение?

– Пожалуй, придется отрезать жабе косу, – заявил второй. – Как думаете, братья, сгодится этот хвост для метлы моему рабу?

– Вряд ли, – ухмыльнулся первый. – Слишком грязный.

Пара мальчишек-зазывал из домов развлечений уже приплясывала вокруг, предвкушая зрелище. Остановились и несколько человек из покупателей, направлявшихся на рынок. Похоже, будет потеха!

Возможно, знай Алые, что перед ними не просто уроженец Самери, а самерийский *горец*, они отнесли бы к чужаку с бо́льшим уважением. А может, и нет. Здесь, в Карнагрии, мало что знали о Самери.

– Может, он сдох? – выдвинул предположение первый солдат. – Гляньте, братья, даже не сморгнет!

Городской стражник остановился в десяти шагах. Но и не подумал вмешаться. Будь это сок, фетс или эгерини – может, и вступился бы. Хотя... Защищать чужеземца от гвардейцев Императора? Ищите дурака!

– Я знаю, как проверить, сдох он или нет! – заявил второй.

Он порылся в пояском кармане и выудил медную монету.

– Вот, – показал он друзьям. – Медь! Любимый металл самерийцев!

– Почему? – спросил первый.

– Потому что лбы у них медные.

– Точно?

– Клянусь целкой его бабушки. Сейчас услышите!

И запустил медяком в лоб самерийцу.

Но его ждало разочарование. Чужеземец с необычайной ловкостью перехватил монету и метнул обратно. Медяк угодил в лоб Алого, пониже края шлема, и до крови ссадил кожу.

Вид у опешившего воина был такой, что один из мальчишек-зазывал хихикнул. Но – в кулак. Не дай Ашшур попасть под руку рассердившемуся Алому!

А воин действительно рассердился. И схватился за меч. Шутки кончились.

Самериец как ни в чем не бывало сидел на корточках. Трудно было оценить его стать в таком положении. Хотя по морщинам и серой от седины косе видно было, что не молод.

Алый, держа руку на оголовье меча, подступил к лесенке.

– Поднимайся, макака! – потребовал он. – Поднимайся, и я выпущу дерьмо из твоих кишок!

Самериец бесстрастно смотрел в пространство. Он выполнил поручение Старших, и теперь только Честь и Судьба были властны над ним. Жизнь или смерть – какая разница?

– Побрей ему башку, брат, – предложил первый солдат. – Срежь его грязный хвост, подаришь его золотарям!

Тот, кому рассадили лоб, вытянул из ножен меч.

– Верно, – сказал он. – Раз ты, обезьяна, не желаешь драться, я побрею твою медную башку, а меч подарю какой-нибудь здешней девке. Ей он будет – в самый раз!

– Да, да, – поддержали в толпе зевак. – Побрей обезьяну, Алый!

Солдат шагнул на лесенку... и вдруг кубарем, перевернувшись через голову, откатился назад.

Никто из зевак ничего не понял. Нужно быть воином, чтобы успеть увидеть происшедшее. Однако все увидели, что чужеземец уже на ногах и двумя руками, не по-здешнему, держит перед собой меч.

Алый не пострадал. Он успел уйти от молниеносного выпада, хотя и не лучшим образом. Два его товарища тут же выступили вперед, прикрывая. Но самериец не спешил добить обидчика. Он медленно, ставя ноги носками наружу, спустился по лесенке, низкорослый, широкоплечий. Самериец был настолько не похож на обитателей Великондара, что даже не казался зевакам человеком.

Но Алые – по одному выпад – уже оценили его: высший ранг. Теперь воины знали: перед ними – настоящий боец. А значит, развлечение будет на славу. Алые не сомневались в своей

победе. Пусть на них был легкий доспех, а не боевой, но на самерийца и того не было. Кроме того, трое превосходных воинов – против одного. Какие могут быть сомнения?

И все же шутить они перестали. Воин без нужды не оскорбляет воина.

Двое Алых разошлись в стороны, охватывая самерийца полукольцом. Тот словно бы и не заметил, что его окружают. Чужеземец направлялся к тому, кто первым задел его. Двигался он молча, неторопливо, немолодой мужчина в простой одежде и сером дорожном плаще, наброшенном на плечи, с толстой косой, свернутой на затылке в тяжелый узел. Меч он держал – как дровосек держит топор. Но обмануть Алых его мнимое неумение уже не могло.

Двое закончили обход и оказались у самерийца за спиной. И тотчас все трое, без предупреждения, со слаженностью опытных бойцов, кинулись на противника.

Те, что оказались сзади, разом вонзили мечи в серую ткань плаща... и поразили только шерстяную пыльную тряпку.

Плащ слетел с плеч самерийца, а сам он подпрыгнул, занес меч над головой третьего. Тот вскинул собственный клинок... и самериец ударил его ногами в грудь. Сверху вниз, как бьет хищная птица.

Алый отлетел назад и опрокинулся навзничь. Тонкая кираса прогнулась, но смягчила удар... только для упавшего это уже не имело значения. Прямой меч самерийца клюнул его под подбородок.

Двум Алым потребовалось мгновение, чтобы стряхнуть с клинков шерстяную тряпку. И еще мгновение – чтобы осознать: их товарищ мертв!

Самериец ждал, выставив перед собой оружие. Кончик клинка его покраснел, но лицо по-прежнему не выражало ни гнева, ни воодушевления.

Зато лица Алых исказила ярость. Разом они набросились на врага. Толпа отхлынула в стороны, освобождая место. Кому хочется угодить под случайный удар?

Зрелище было потрясающее. Пара Алых металась вокруг самерийца подобно языкам пламени вокруг древесного ствола. Но чужеземец не дрогнул. Меч его с невероятной быстротой мелькал в воздухе, перелетал из одной руки в другую, отражал удары с боков, сзади с такой легкостью, словно под узлом косы у самерийца был еще один глаз. Но Алых было двое, и они были не менее искусны. Никто из зрителей не сомневался, что через минуту-другую пляска смерти закончится гибелью чужака. Потому-то все ахнули, когда один из Алых осел на мостовую, прижимая руку к вспоротому снизу животу.

Последний Алый на мгновение замер. Он изучал противника, выжидал, хотя знакомый запах крови, вывороченных внутренностей, собственного едкого пота возбуждал, подстегивал: сражайся, бей, убивай!

Левая рука самерийца висела плетью. Кровь пропитала рукав и капала с пальцев. Это была самая тяжелая из его ран. Алый чувствовал себя намного лучше, получив лишь пару царапин. Он мог бы предоставить самерийцу возможность атаковать первым, мог выжидать, тянуть время, пока противник истечет кровью... Но он все же напал.

Длинный узкий меч вспыхнул на солнце – самериец подставил клинок, но Алый держал рукоять двумя руками, потому его оружие лишь проскрежетало по самерийской стали и со всего маху упало вниз. Могучий удар пришелся на ногу самерийца чуть ниже колена. Клинок прошел наискось, разрубил мышцы, кость, сухожилия и, зазвенев, выбил искры из дорожной плиты.

Толпа ахнула. И ахнула еще раз. Потому что самериец, которому меч Алого напрочь отсек ногу, – стоял. Стоял, хотя кровь из обрубка хлестала ручьем. А карнагриец, соперник его, ткнулся лицом в кровавую лужу.

Десять ударов сердца простоял чужеземец. И только тогда пал рядом с поверженным врагом. На широком темном лице навечно застыла счастливая улыбка.

Городской стражник, вспомнив о своих обязанностях, рысцой подбежал к Алому, перевернул его. Голова воина запрокинулась, и стражник увидел пузырящуюся кровь и разрубленную пополам трахею. Этот солдат отвоевал свое.

Выхватив из петли на поясе бронзовую дудку, стражник загудел изо всех сил, призывая подмогу.

И, словно по его зову, из-за желтого здания Торгового Двора вылетел отряд всадников. Причем – той же императорской Гвардии, к которой принадлежали убитые.

Предводитель резко осадил коня. Через головы зевак он увидел лежащие на мостовой тела в красных доспехах. И жирные пятна крови вокруг.

Предводитель свистнул. Алые обнажили оружие. Толпа прынула в стороны, освобождая проход.

Прямо перед командиром оказался перепуганный стражник и четыре мертвых тела. Вернее, три мертвых и один – живой. Тот, кому самериец вспорол живот, еще цеплялся за жизнь.

– Кто? – страшным голосом произнес предводитель, нависая над стражником.

Тот дрожащей рукой показал на самерийца.

– Один?

– Один.

Зубы стражника лязгнули.

Предводитель резко выпрямился, повернулся к своим и дал знак: мечи в ножны. Затем взглянул на солнце, определяя время, и нахмурился.

Раненный в живот замычал, привлекая его внимание.

Предводитель мельком взглянул на него, кивнул одному из всадников. Тот спешился и точным ударом в горло добил несчастного.

– Тела убрать! – отрывисто бросил командир городскому стражнику. – Тела убрать, кровь засыпать песком. Царь царей скоро проедет этой дорогой.

– Да, господин. – Стражник поклонился. – Позволь спросить: куда их? Во дворец?

– Трупы? Да. наших – к казармам, этого – в Великон. Крокодилам.

И, хлестнув коня, умчался вперед. Отряд последовал за ним.

Спустя полчаса, когда царская кавалькада достигла рыночной площади, на Белой дороге уже не было ничего, что могло бы омрачить взор Царя царей Фаргала. Так что Владыка Карнагрии так и не узнал о том, что какой-то чужеземец убил трех его гвардейцев. И не коснулся нити своей будущей Судьбы...

А еще через полчаса, когда Император Карнагрии, в сопровождении придворных и стражи, давно уже миновал городские ворота, из домика, на ступенях которого сидел самериец, вышел худой светловолосый юноша лет пятнадцати. И очень удивился, не обнаружив у входа широколицего воина в сером дорожном плаще.

2

Звонкий «металлический» лай гончих все нарастал, пока наконец свора не выгнала зверя из леса на открытое место: длинное, уходящее к реке возделанное поле.

Жертва, великолепный бык черной лесной антилопы, запрокинув бородастую морду, скакал на вид неуклюже, но быстро. Явно было, что он успевает к реке прежде собак.

Разодетые в шелка придворные нетерпеливо поглядывали на своего царя. Но тот молча, с непроницаемым лицом, взирал на уходящего быка.

Фаргал, владыка сильнейшей из Четырех Империй, взявший престол Карнагрии не по праву крови, а по праву меча, ждал. Он полагал, что и антилопе следует дать шанс на спасение. И только тогда, когда, по его мнению, у быка появилась надежда уйти, царь ударил лошадь острыми каблуками сапог. Рыжая кобыла кинулась в галоп.

Тотчас псары спустили борзых, и следом, с криками и улюлюканьем, помчались благородные охотники, отставая от дюжины белых, как горный снег, узкобоких собак. И – от Фаргала. Айпегская, морем привезенная в Карнагрию из-за Ашских гор кобыла прытью не уступала борзым.

Бык не сразу заметил новых преследователей. Только когда между ним и бесшумно летящими борзыми осталось шагов двести.

Удивительно, но он сумел прибавить еще, должно быть, близость спасительной реки придала ему силы. Он бежал теперь с той же скоростью, что и псы. Однако медленнее Фаргала. Припав лицом к рыжей гриве лошади, царь поднял копье, готовясь к броску. Ветер трепал его длинные черные волосы. Ноздри хищно изогнутого носа расширились.

Задранный кверху хвост самца антилопы мотался из стороны в сторону. Царь скакал уже по следу быка, по черным лункам, оставленным острыми копытами. Борзые, рассыпавшись веером, стелились над зеленью поля, отстав лишь на дюжину прыжков.

До берега Великона оставалось не больше четверти мили. Если бык успеет прыгнуть в воду (и не станет добычей крокодилов), он – спасен. Луков и арбалетов у охотников не было: не добыча важна – погоня!

Фаргал крепко стиснул коленями бока лошади и, откинувшись назад, занес для броска короткое охотничье копье...

И вдруг рыжая гривастая шея резко нырнула вниз. Удар подбросил Фаргала вверх, царь почувствовал, что летит, а потом земля внезапно возникла совсем рядом, древко с хрустом переломилось, царь ударился плечом, дважды перекувырнулся через голову, услышал странный треск и лишь мигом позже ощутил острую боль в бедре. Оглушенный, плохо соображающий Фаргал приподнялся и устоял на обломок копья, глубоко вонзившийся в его правую ногу выше колена.

Белая стремительная борзая пронеслась мимо, не обратив внимания на упавшего человека. Из груди ее вместе с дыханием вырывался высокий стонущий звук.

С момента падения прошло лишь несколько мгновений.

Мир вокруг Фаргала перестал наконец вращаться, царь обернулся и увидел свою лошадь. Она уже поднялась на ноги и как ни в чем не бывало потрусила за собаками.

Фаргал взял двумя руками за обломок копья и рывком выдернул его из раны. По опыту царь знал: сейчас не так больно, как будет часом позже. Зажав рану ладонью, царь проводил взглядом охотников. С визгом и криками они пронеслась мимо, плюща копытами лошадей нежные побеги ячменя. Азарт погони и дух соперничества были для аристократов Карнагрии поважней, чем упавший с лошади Император.

И только один из всадников развернул коня к Фаргалу.

Подскакав к сидящему на земле царю, всадник ловко соскочил наземь. У него было широкое, смуглое, почти черное лицо с ярко-синими глазами: сочетание, безошибочно указывающее на уроженца Священных островов Сок.

– Во имя Ашшура! – воскликнул синеглазый. – Только такая нестигаемая шея, как у тебя, мой царь, способна выдержать подобный кувырок! Когда кобыла споткнулась, я подумал: придется Карнагрии подыскивать нового Императора!

– И был не далек от истины, Люг! – пробормотал Фаргал. – Перевяжи-ка мне ногу!

Две самые быстрые борзые настигли быка и одновременно попытались ухватить его за ляжки. Бык прыгнул в сторону – и третья борзая повисла у него на шее. Бык смахнул ее резким рывком головы и остановился, обратив к преследователям длинные прямые рога. До реки оставалось не больше ста шагов, но антилопе никогда уже не достичь спасительных вод.

Собаки окружили быка, лая, но не спеша нападать. Бык, хрипя, вертелся на месте. Время от времени он набрасывался на самую дерзкую, поэтому круг не сужался. Борзые сделали свое дело – остановили. Пусть теперь другие подставляют себя под удары острых рогов.

Сокт, опустившись на корточки рядом с царем, наложил жгут, а затем туго перевязал рану Фаргала, поверх штанов, собственным шелковым поясом. Двое Алых, телохранителей Императора, спешили, ожидая распоряжений. Третий отправился ловить айпегскую кобылу.

– Ну скажи мне, Люг, с какой стати эта тварь споткнулась на ровном месте? – раздраженно произнес царь.

Сокт пожал плечами.

– Ты жив, – заметил он. – И кости твои – целы. По-моему, все обошлось, и не стоит зря ломать голову. Споткнулась – и ладно! Тем более что кобыла не пострадала!

– Что ей сделается, айпегской бестии! – проворчал Фаргал, успокаиваясь.

Тем временем охотники прикончили антилопу и вспомнили о своем Императоре.

К этому времени кобыла уже была изловлена, и Фаргал, с помощью Алых, кое-как взобрался в седло.

Нестройной толпой всадники двинулись в сторону Великондара. Они весело переговаривались. В конце концов, охота была удачной!

На берегу реки свора, рыча и огрызаясь, пожирала убитую антилопу. Для изысканной карнагрийской знати жесткое мясо быка было ничуть не съедобней дерева.

Примерно в миле от ячменного поля охотников ожидал отряд царской стражи. Фаргала сняли с коня и уложили в крытые носилки. Спустя два часа кавалькада выехала на прямую, как стрела, Дорогу Шаркара, а еще через час впереди показались желтые стены Великондара, тысячетной столицы Карнагрии. Выше стен поднимались причудливые крыши дворцов Верхнего города, и надо всем царил огромный многобашенный Императорский дворец. Во всем Великондаре один лишь узкий стреловидный шпиль храма Ашшура соперничал с ним высотой.

Кавалькада въехала в город через Восточные ворота.

На краю ячменного поля царская свора покончила с убитым быком, и псари увели отяжелевших от мяса собак.

Только тогда трое поселян-арендаторов вышли из своего тростникового домика, чтобы оплакать горькие плоды царской охоты. Но они тут же спрятались вновь, потому что, едва поле опустело, из лесу выехал всадник. Хорошего роста и сложения, полностью вооруженный, он восседал на жеребце редкой в Карнагрии самерийской породы.

Звали всадника Карашшер.

Подъехав точно к тому месту, где с Императором Карнагрии случилось досадное происшествие, Карашшер свесился с седла и подхватил с земли глиняную фигурку всадника. Кожаный ремешок оплетал ноги лошадки и завершался петлей на шее человека. Всадник положил фигурку в суму – не в седельную, а в ту, что была приторочена к его поясу, собранному из серебряных с насечкой пластин. Из сумы же Карашшер достал огащенный прозрачный кри-

сталл размером с куриное яйцо. Держа кристалл на уровне глаз, всадник уставился в сердцевину кристалла. Взгляд воина на некоторое время обесмыслился. Потом губы Карашшера зашевелились, а через несколько мгновений глаза вновь обрели прежнюю остроту. Бережно спрятав кристалл, Карашшер повернул коня и рысью въехал в лес.

Войдя в столицу через Восточные ворота, чаще называвшиеся Рыбными, царская кавалькада пересекла Нижний город кварталами кожевников и кузнецов. Вонь дубилена предпочли многолюдю и жадному любопытству квартала торговцев. Следовало сохранить в тайне ранение царя. По крайней мере до тех пор, пока он не поправится. К тому же путь через ремесленные кварталы был короче.

Ехали по восьмеро в ряд, окружив царские носилки так плотно, что только с плоских крыш можно было углядеть хоть что-то. Но в такую жару на крышах никого не было.

Дома ремесленных кварталов, сложенные из коричневого обожженного кирпича, окнами обращались к тенистым внутренним дворам. На улицу выходили лишенные окон голые стены, лишь изредка украшенные рисунком или родовым именем хозяина.

Почти все здания закладывались еще восемь веков назад, во времена Шаркара-Победителя.

Младший принц соседнего государства, Эгерина, Шаркар, удачливый завоеватель, воссел на престол Карнагрии обычным путем – силой. Заручившись поддержкой карнитских родов и помощью магов-жрецов Аша, Шаркар перешел реку Карн, естественную границу Карнагрии и Эгерина.

Поддержанный мятежными Владыками земель, принц почти беспрепятственно достиг Великондара. Город встретил его закрытыми воротами, изрядно обветшавшими из-за нерадивости трех последних Императоров.

Тараны Шаркара разбили ворота за два часа. Но треть войска принца полегла, пробиваясь через закоулки Нижнего города к кварталам аристократии. Взяв Великондар, в отместку завоеватель снес Нижний город до основания. И спустя несколько лет отстроил заново, разделив на ремесленные кварталы и определив ширину улиц в восемь и в двенадцать шагов взрослого мужчины.

Верхний город Шаркар сохранил в целости. Но, чтобы пересчитать дворцы и особняки, не сменившие владельцев, хватило бы пальцев одной руки. Что же до храма Ашшура, то он избежал разграбления лишь благодаря чуду.

Пред храмом был установлен Божественный Жребий – огромное Копье на шесте. Говорят, Копье принадлежало самому Верховному богу Ашшуру. Если так, то ростом Верховный бог был отнюдь не под облака, а всего лишь в сорок—пятьдесят локтей.

Тот, на кого, поворачиваясь, указывало острие Копья, подлежал немедленной казни.

Когда всадники Эгерина вместе с союзниками-карнитами вырвались на Судную площадь перед храмом, Копье, впервые после двухвековой неподвижности, повернулось. И указало на принца Шаркара.

Завоеватель, не раз бывавший в Великондаре, знал, что велит Жребий. И знал, что, выступив против Ашшура, потеряет не только союзников, но и голову. Шаркар был неглуп. Он оглянулся и увидел позади собственного мага, жреца Змеебога Аша.

Может, Жребий и впрямь указал на мага, поскольку тот, забыв все свое чародейское искусство, безропотно позволил наколоть себя на Божественное Копье и скончался, даже не произнеся прощального проклятия.

Копье же Шаркар приказал силой развернуть в сторону моря и закрепить. Чтобы отвести беду от своей новой Империи.

А на вратах Царского дворца высечь:

«Вот этот город!
Я его открыл!
Я повернул кровотокающий Жребий к востоку.
Бог спускается с горы
Для того, чтоб проявить не жестокость,
Но – Власть!»

Правда ли сие или легенда, но правил Шаркар двадцать девять лет и умер в своей опочивальне, окруженный любящими детьми. Наследнику он оставил крепкое государство и лучшую в Четырех Империях армию. Всадников же эгерини, Шаркарову гвардию, чьими руками и было развернуто Копье, именовали с тех пор – Алыми. И традиция эта сохранилась. Вот почему доспехи воинов стражи, окружавшей носилки Фаргала, алели, как свежeproлитая кровь.

Миновав ремесленные кварталы, кавалькада достигла Верхнего города.

Некогда он был огражден стеной. Но войны и время сокрушили стену, и фундамент ее превратился в подобие террасы высотой в два человеческих роста. Прорезая руины стены, широкая дорога поднималась вверх, напрямик, через площадь Согласия к Судной, от которой начинался Царский дворец, из-за размеров своих называемый Дивным городом.

Западной стороной Дивный город переходил прямо в городскую стену. Настолько мощную и огромную, что ни одному из завоевателей не приходило в голову подступить к Великондару со стороны заката. Впрочем, несмотря на крепость стен, за последние сто лет Дивный город завоевывался одиннадцать раз. Но всегда – изнутри.

Без помех раненый был доставлен во дворец, где лекарь немедленно обработал рану и напоил Императора успокаивающим снадобьем. После этого Фаргал уснул и спокойно проспал до утра следующего дня. Если бы Император знал, кто виновен в его падении, вряд ли его сон был бы столь безмятежен.

3

– Повесить!

Маленький алобородый законник¹ икнул, нюхнул с запястья щепоть толченой коры дерева биб, зажмурился.

Два стражника, подхватив одетого в лохмотья мужчину со скрученными за спиной руками, втащили его на один из помостов.

Раньше чем законник открыл затуманенные глаза, ноги осужденного уже сучили над выскобленными досками помоста.

– Следующего! – пробормотал законник.

Морщины на его лице разгладились.

Старшина ткнул пальцем, и стражники выдернули из кучки ожидавших приговора женщину. Средних лет, одетая по чину ремесленного сословия, держалась она вызывающе.

Собравшаяся вокруг небольшая толпа оживилась.

Законник прищурился. Как всегда бывало сразу после приема коры биб, глаза его застилала дымка.

– Говори! – велел он старшине.

– Избила соседку! – сообщил старшина. – Оскорбляла слух непотребными возгласами. Оскорбляла стражу.

– Каков характер оскорблений? – привычно поинтересовался законник. – Упоминались ли власти, боги – в недостойном или непристойном смысле?

– Нет, справедливый!

– Повреждены ли у пострадавшей безвозвратно: рука, нога, ухо, глаз...

– Нет, справедливый! Только волосы и кожа!

– Угу-м-м...

Законник прикрыл глаза, порылся в памяти, вмещавшей тысячетный свод законов Карнагрии, выискал соответствующий пункт. Приняв подобающий вид, изрек:

– Именем Императора Фаргала, справедливого, единственного, великолепного! Объявляется: выдать преступнице шесть плетей! Наложить на нее штраф: в пользу государя – шесть малых серебряных монет; в пользу суда – две малые...

– А не засунуть их тебе в... – завопила женщина.

Один из стражников с удовольствием треснул ее кулаком по спине, и вопль оборвался.

– ...серебряные монеты, – невозмутимо продолжал законник, – а также, в пользу пострадавшей, – одна малая серебряная монета! Старшина! Следующего!

Зрение законника прояснилось, и очередного преступника он разглядел хорошо.

Молодой, можно сказать – мальчишка. Лет шестнадцати, не больше, а то и пятнадцати. Тощий, хотя широкий в кости. Из таких вырастают сильные мужи.

«Да только не будет мужа», – подумал законник, узнав – по жестокости, с которой обращалась с преступником стража: пред ним – убийца.

У преступника было узкое, довольно красивое лицо с ястребиным носом и серыми нахальными глазами.

Взгляд законника задержался на спутанных белокурых волосах юноши.

«Года три назад, на рынке, я дал бы за него хорошую цену, – подумал он. – И кожа такая нежная!»

– В чем его вина?

– Воровство! – рявкнул старшина. – Убийство стражника!

¹ Законник – здесь: площадной судья.

Законник, уже без всякой симпатии, оглядел юношу:

– Убил стражника? Каким образом? У него было оружие? Он – высшего сословия?

«Эти гиены могли вполне ободрать одежду, если парень был хорошо одет!»

– Нет, – неохотно проговорил старшина. – У него не было оружия, он отнял меч у убитого!

Сбоку от законника кто-то одобрительно крикнул.

Тот недовольно повернул голову, но, увидев на крикнувшем золотой браслет Служителя дворца, от замечания воздержался.

Недовольство свое законник излил на старшину.

– Твой стражник спал? – ехидно спросил он. – Негодяй напал на него сзади?

– Нет, – еще более неохотно признал старшина. – Стражник угрожал преступнику мечом и... тот отнял меч и убил стражника. А стражник, верно, подумал, что, раз парень безоружен...

– Хватит! – отрезал законник. – Меня не интересует, что подумал твой дурак! Больше никто не пострадал?

– Нет. Преступника подбили сонной стрелой, сзади, пока он ел! – ответил старшина.

– Где это произошло?

– Что? Где мы его взяли? В «Желтом поросенке»! Он обедал!

– Нет! Где произошло убийство?

– В «Желтом поросенке»! Он украл...

– Где?! Он убил стражника и продолжал есть?

– Точно так, справедливый! Убил и продолжал есть! Причем еду он украл!

– Странно, – пробормотал законник. – Он что, ненормальный?

– Не думаю, справедливый!

– Впрочем, это не важно, совершенно не важно!

Он помолчал, соображая...

– Именем Императора Фаргала, справедливого, единственного и великолепного! Объявляется: за воровство – отрубить преступнику кисть правой руки! За убийство служителя закона – повесить!

Светловолосый юноша равнодушно глядел поверх головы судьи. Казалось, ему совершенно безразлично, что с ним сейчас произойдет.

«Точно, безумец!» – решил законник.

– Эй, бездельники! – зарычал старшина на замешкавшихся стражников.

Те подхватили убийцу, втащили на помост. Один из них ножом перерезал веревки. Трое других поволокли приговоренного к колоде.

Палач, приземистый, широкоплечий, в длинной рубахе, поднял меч, покрутил над головой, развлекая народ.

Тень, отбрасываемая на площадь громадой храма Ашшура, придвинулась к самому помосту.

«Через часок придется перебраться поближе к воротам», – подумал законник.

С другой стороны площади раздался слитный цокот сотен лошадиных подков.

Головы зевак мгновенно повернулись на звук.

Палач положил меч на колоду и тоже уставился на дальний конец площади. Он стоял на возвышении, а потому видел все куда лучше, чем столпившиеся у помоста.

Император!

– Император! Царь царей Фаргал! – загудела толпа.

Вот зрелище получше, чем какое-то повешение!

Грохот подков нарастал.

Первыми, вслед за парой трубачей в зеленых одеждах, ехала царская стража, копейщики в доспехах цвета свежей крови. Алые.

Гордые. Грозные. Лучшие воины Карнагрии.

За ними – высокая, изукрашенная самоцветами, горящая золотом императорская колесница. Шесть белых коней влекли ее. Император Фаргал!

Царь царей предпочел бы ехать верхом. Но рана едва затянулась, и лекарь не советовал садиться в седло еще дня три.

Потому на календарное богослужение в храм Ашшура он ехал в императорской колеснице. Как, кстати, и требовала традиция.

Рядом с царем – правая рука, советник, друг – Люг Смертный Бой. Аристократ из соктов.

За колесницей, павлиньим хвостом, – блестящая свита, вельможи, советники. А за свитой – снова всадники в алой броне.

Толпа подалась назад, раздвинулась, избегая копыт и шипов на латах коней.

Осужденный, которого все еще крепко держали трое стражников, повернул голову.

Холодные глаза царя – цвет зимнего моря – встретились с серыми глазами осужденного.

– О великий Ашшур! – пробормотал мужчина с золотым браслетом, тот, что рассердил законника.

Ястребиный профиль юноши был точь-в-точь – профиль Владыки Карнагрии.

Царь что-то сказал.

Раздвинув конем толпу, один из приближенных подъехал к законнику.

– В чем вина этого человека? – крикнул он с высоты седла.

– Воровство, убийство стражника! – просипел оробевший законник. – Царю угодно смягчить приговор?

Придворный молча повернул коня, вернулся к колеснице.

Голова в золотом, увенчанном короной шлеме едва заметно качнулась.

Придворный вновь подъехал к законнику.

Толпа ждала затаив дыхание.

– Пусть свершится правосудие! – торжественно произнес всадник. – Так сказал Царь царей!

– Помилуй ты его – они орали бы так же! – заметил вождь соктов, повысив голос, чтобы перекрыть приветственные вопли народа. – А в мальчишке что-то есть!

Он тоже заметил сходство преступника с Фаргалом.

– Справедливость! – сурово произнес Царь царей и тронул плечо возничего.

Колесница двинулась.

Но ни стражники, ни палач не осмелились приступить к делу, пока спины последних латников не скрылись за башней городского совета.

А тем временем человек с золотым браслетом на руке коснулся плеча законника.

– Справедливый! – негромко произнес он. – Нельзя ли немного повременить с этим?

Он указал на помост.

– Император сказал: да свершится справедливость! – напыщенно отозвался законник.

– В отсутствие царя справедливость здесь – ты! – вкрадчиво заметил человек с браслетом. – Я – помощник Управителя Царского Гладиаторского Двора!

В глазах законника блеснуло понимание.

– Что ж, – важно сказал он. – Закон позволяет передавать преступников на Гладиаторский Двор! По воле царя! Сказано же: осужденный может быть отдан на галеры или использован иначе, чтоб смерть его послужила Карнагрии! Остается один вопрос... – Законник многозначительно взглянул на помощника Управителя. – Можешь ли ты, мой господин, выступить от имени царя?

– Не думаю, что это – вопрос, – отозвался его собеседник, коснувшись своего золотого браслета, а потом, как бы невзначай, положив на колено законника золотую монету. – Но поторопись, справедливый! Если ему отрубят кисть – придется повесить беднягу! Безрукие мне ни к чему!

Замечание поспело вовремя: рука осужденного уже была прижата к почерневшей, иссеченной ударами колоде.

– Стой! Остановить! – закричал законник.

Палач опустил меч, удивленно оглянулся.

Стражники отпустили приговоренного, и он выпрямился. Лицо по-прежнему не выражало страха.

– Приведите его сюда! – приказал законник.

А когда это было сделано:

– Объявляю преступника царским рабом!

Толпа разочарованно вздохнула.

– Клеймить сейчас? – Законник повернулся к помощнику Управителя.

– Да, сделай это! – кивнул тот.

– Палач! Царское клеймо!

Палач сходил к помосту и вернулся с молотком, склянкой и дощечкой шириной с ладонь; с одной стороны дощечки густо торчали иглы.

Палач приложил иглы к плечу осужденного, ударил молотком. Брызнула кровь. На худом лице юноши не дрогнул ни один мускул.

Тряпкой палач смахнул кровь, потом обмакнул лоскут в черную жидкость в склянке и прижал к окровавленному плечу.

Лицо приговоренного осталось неподвижным, но зрачки расширились, и на узком высоком лбу выступило несколько капель пота.

Помощник Управителя удовлетворенно улыбнулся. Не зря он выложил за парнишку целый золотой!

Палач надел на запястье правой, той, что должна была быть отрублена, руки юноши стальное кольцо с цепью в два локтя длиной, запер замок, а ключ передал человеку с браслетом.

– Дать тебе стражников, господин? – спросил законник.

– Управляюсь! – сказал человек с браслетом, принимая второй конец цепи.

Законник не усомнился. Помощник Управителя был на голову выше и вдвое массивнее нового царского раба. И вооружен изрядных размеров мечом.

– Старшина, следующего! – провозгласил законник.

– Пойдем, парень! – сказал здоровяк, натягивая свой конец цепи. – Не горюй, тебе всяко получше, чем ему!

И кивнул в сторону помоста, над которым раскачивался труп.

Юноша промолчал. Серые холодные глаза. Непроницаемое лицо, покрытое грязью и свежими ссадинами.

«То что надо!» – еще раз похвалил себя помощник Управителя.

И они покинули площадь.

Император Карнагрии соскочил с колесницы, опершись на плечо Люга, и пешком последовал на храмовое подворье. Жрец Ашшура, чье облачение было куда более пышным, чем одеяние царя, выступил ему навстречу. Алые спешили и оттеснили в сторону толпу у входа в храм. Жрец трижды поклонился: на северо-запад, запад и юго-запад. Там, в сотнях миль от Великондара, уходили в небо на десятки тысяч локтей неприступные горы Ашшура. За ними лежала облачная страна богов. Жрец гордо выпрямился. Сейчас он от имени Великих приветствовал царя, и не ему, а Императору следовало склонить голову. Фаргал отвесил ритуальный поклон и, не дав жрецу разразиться речью, решительно направился в храм. Для него, Фаргала, боги делились на земных, таких как Яго, Аш и кое-кто еще; и небесных, вроде Ашшура. Последние в дела людей практически не вмешивались, поэтому царь не считал нужным уделять Ашшуру больше положенного законами Карнагрии.

4

Помощник Управителя Гладиаторского Двора и новый царский раб остановились у высоких бронзовых ворот, которые подпирали два стражника.

При виде человека с браслетом один из них вяло салютовал и без спешки отодвинул засов.

В глазах новоиспеченного раба на миг вспыхнул интерес: не так часто встретишь ворота, которые запираются *снаружи*.

– Заходи! – Помощник Управителя подтолкнул юношу в спину.

За воротами оказался просторный двор, вымощенный булыжником.

Пустой, если не считать раба, шаркающего метлой по камню, и мальчишки, драящего медный котел у сточной канавы.

Бронзовые ворота с хорошо смазанными петлями бесшумно сомкнулись позади. Помощник Управителя решительно зашагал к строению у дальней стены. Подойдя, он толчком распахнул окованную железом дверь и знаком приказал своему подопечному: *входи!*

Они оказались в небольшой светлой комнате с овальными окнами. Мужчина достал ключ из кармана на поясе и снял с юноши цепь.

– Меня зовут Хар-Руд! – сообщил он. – И ты можешь звать меня: Хар-Руд. Наедине. В иное время: господин Хар-Руд! Кстати, – он усмехнулся, – я до сих пор не знаю, умеешь ли ты говорить?

– Умею.

– Хорошо. Может, у тебя и имя есть?

– Да, – сказал юноша гордо. – Кэр мое имя!

– Кэр? – удивленно переспросил помощник Управителя. – А я думал, ты – эгерини².

– Почему? – спросил юноша.

– Время твоих вопросов еще не настало! – строго произнес помощник Управителя. – Есть хочешь?

– Да. Очень!

«Нет, ему не больше пятнадцати!» – подумал Хар-Руд.

Он приоткрыл дверь, что вела внутрь дома.

– Мукэ! – рявкнул он. – Подай мне еды на двоих! И пива! Нет! Принеси-ка лучше два кувшина розового вина, того, что осталось с ночи! И упаси Ашшур, чтоб вина стало меньше!

– Ясно, хозяин! – отозвались изнутри.

– Садись, Кэр! – Помощник Управителя положил на плечо юноши ладонь и вынудил опуститься на скамью. – Это – Царский Гладиаторский Двор! Судьбу, которая тебя ожидает, многие сочли бы незавидной. Но не все!

Серые глаза юноши, не мигая, смотрели на помощника Управителя. Угадать по ним, что творится у парня внутри, было невозможно.

– Конечно, – продолжал Хар-Руд, – на Арене умирают чаще, чем на рынке! Но зато и к славе от нее поближе! Ты, Кэр, – добрый клинок! Я сразу понял! Болит? – Он указал на вспухшее клеймо.

Кэр пренебрежительно передернул плечами.

– Знаю, что болит! – сказал Хар-Руд. – Помню!

Он приподнял рукав туники. На наружной стороне плеча помощника Управителя был вытатуирован Коронованный Лев Карнагрии.

² Эгерини – уроженец соседнего государства Эгерин, точно так же, как фетс – уроженец Фетиса, а сокт – житель Священных островов Сок. Более подробно см. Приложение.

Его молодой собеседник никак не прореагировал.

– Скажу больше,– доверительно произнес бывший гладиатор.– Сам царь Фаргал – ты видел его сегодня – когда-то сражался на Арене! Отсюда – к Кедровому Трону! Недурно, а?

И вновь лицо юноши осталось невозмутимым.

«Что за парень,– подумал Хар-Руд.– Никогда не видел подобного!»

– Царь мог бы тебя помиловать! – сказал помощник Управителя.– Но не помиловал! Поэтому я выкупил тебя! Грех, если такой, как ты, закончит путь, болтаясь на грязной веревке!

– Почему?

– Ты *спрашиваешь* ? – воскликнул Хар-Руд.

В этот момент вошел слуга. С огромным подносом.

– Помоги ему! – приказал помощник Управителя.

И Кэр принялся переставлять на покрытый скатертью круглый стол блюда, плошки, кувшины с вином...

– Потрапезничаем! – с чувством произнес Хар-Руд.

И, слуге:

– Что лыбишься? Пошел вон!

Кэра не потребовалось приглашать дважды. И набросился на еду он с такой скоростью, что Хар-Руд усмехнулся. Еще помощник Управителя заметил: юноша ест не руками, как это принято у простолюди Карнагрии, а пользуясь двумя ножами, как самериец или кушога.

Когда первый голод был утолен, Хар-Руд подлил Кэру вина и сказал:

– А теперь, парень, выкладывай, как ты угодил к законнику! С самого начала, парень!

– Мой наставник привез меня сюда! – сказал юноша, проглотив очередной кусок дымящегося пряного мяса, и запил вином из чаши.– Наставник сказал: тот не жил, кто не видел Града Чудес!

– Неглупая мысль!

Юноша пожал плечами:

– Говорят, был еще какой-то обет. Мой наставник привел меня в этот город, чтобы его исполнить.

– Что ж за обет? – спросил Хар-Руд.

– Не знаю,– с полным безразличием ответил юноша.– Наставник сказал, что я должен быть в Великондаре в условленный день, вот и все.

– И где же теперь твой наставник? – спросил помощник Управителя.– Почему он не проследил за тобой?

– Его убили.

Сказано было так, словно речь шла о кувшине вина.

– Вот как? Похоже, тебя это не огорчает?

– Он умер достойно! – Лицо юноши на миг потемнело: из-под маски выглянул человек.– Он умер сражаясь! – с ожесточением.– Чего ж еще?

– Еще,– сказал Хар-Руд,– можно победить! Ты бился вместе с ним?

– Нет! – Губы Кэра сжались.– Меня не было там. Но я сражался бы, если б он мне позволил!

– То есть как – если бы позволил?

– Я еще не закончил учения. Дома я еще не начал изучать мастерство боя – время не подошло. А в пути этого делать не положено.

– Допустим,– кивнул Хар-Руд, мысленно откладывая на потом целый ворох вопросов.– А где же ты все-таки был?

– Одна девушка пригласила меня! – Кэр приложился к чаше и разом проглотил ее содержимое.

Он пил вино, как воду.

– Одна девушка... Наставник сказал: теперь, когда он привез меня в Великондар, главное сделано. И напоследок он хочет сделать мне подарок. Наставник дал девушке денег, а мне сказал: иди с ней и делай, что она велит!

– И как? – заинтересовался Хар-Руд.

– О! – Лицо юноши расплылось в улыбке. – Я бы не прочь снова найти эту девушку! Скажи, обязательно давать ей деньги? А то у меня – нет...

– Скажу тебе, парень, – в свою очередь улыбнулся Хар-Руд, – совсем не обязательно искать *ту* девушку! Покажи себя воином, и мигом найдутся другие.

«Покарай меня Ашшур, если я не прав! У него такое лицо, что девки сами будут вешаться ему на шею».

– Так что же все-таки произошло с твоим наставником? – спросил Хар-Руд.

– Его убили воины в красных доспехах!

– Откуда ты знаешь?

– Когда я вернулся, мне сказала об этом женщина, что торговала лепешками. Она сказала: наставник не поклонился им. Она сказала: надо было поклониться. Но мой наставник – он никому не кланялся! Воин клана Мечей никому не кланяется!

Кэр опорожнил еще одну чашу и потянулся к кувшину.

– Их было трое, – сказал он. – Их было трое, и они бились с наставником. И убили его в конце концов. Значит, – заключил он, – они были хорошие воины!

– Не сомневаюсь! – сказал Хар-Руд. – Скажи, а ты не хотел бы им... отомстить?

– Отомстить? За что? Они – хорошие воины. Наставник... Его смерть была хороша! Я и сам, да, не прочь так умереть!

– Допустим, – проговорил помощник Управителя.

За всем, что говорил этот юноша, чувствовалась традиция.

И Хар-Руд, чья выучка проходила на палубе пиратского корабля и в основном сводилась к пинкам и зуботычинам, ему позавидовал. Все, что знал и умел помощник Управителя, было вылущено им самим из сотен схваток и смертей, которые он видел в горах, на море и здесь, на Гладиаторском Дворе.

– Продолжай! – приказал он. – Что случилось дальше?

– Дальше? Я проголодался! И увидел место, где люди брали еду. Я пошел туда и тоже взял.

– У тебя не было денег? – догадался Хар-Руд.

– Конечно. Деньги были у наставника. И пропали вместе с ним! Вместе с его телом! – поправился юноша. – Но неужели из-за нескольких кусочков металла я должен умирать от голода?

Хар-Руд был восхищен.

– Однако, – заметил он, – здесь, в Великондаре, за воровство отрубают руку. Ты знал?

– Нет. Но, если бы и знал, все равно взял бы еду! Только не стал бы дожидаться, пока меня схватят!

Он поднял кувшин, потряс его: вина осталось немного.

– Человек, тот, что раздавал еду, подошел ко мне. Но я не стал с ним разговаривать! Потом пришел воин. Воин достал меч и сказал, что убьет меня. Хотя он мог видеть, что я еще не ношу меча!

– Здесь большинство не носит меча! – сказал Хар-Руд.

– Да, теперь я знаю. У нас без оружия ходят только женщины и пленники. И те, кто еще не обучен мастерству. Тот воин видел: у меня нет меча, и все равно заявил, что убьет меня. Я же сказал ему: я – сын вождя клана! А он оскорбил моего отца!

Кэр покачал головой.

– Разве такое достойно воина?

– Зато вполне достойно стражника! – усмехнулся Хар-Руд. – Что ты сделал потом?

– О! Он размахивал мечом прямо перед моим носом! Я отнял меч и воткнул ему в живот! Кэр расхохотался.

– Знаешь, это было легче, чем заколоть свинью!

И, схватив чашу, поднес ко рту.

Хар-Руд слышал, как громко булькает вино у него в горле.

«Насыщенный денек у парнишки! – подумал он. – Сначала он стал мужчиной, потом – убийцей. И едва не стал трупом. Вдобавок смотрел в глаза царя Карнагрии, а чуть позже заимел рабское клеймо на плечо!»

– Сколько тебе лет, Кэр? – спросил помощник Управителя.

– Говорят, мне было два, когда меня принесли в дом моего отца! – Язык юноши заметно отяжелел. – И в этом году я встретил двенадцатую весну в его доме!

«Четырнадцать!» – довершил несложную операцию Хар-Руд.

То, что паренек оказался в доме отца только в два года, его не удивило. У дикарей, варваров, да и в самих Четырех Империях тысячи обычаев!

– Ты так и не сказал, как называют твою страну, – произнес Хар-Руд.

– Самери! – Юноша выплеснул последние капли из кувшина и отправил себе в рот. – Какое хорошее у тебя вино, Хар-Руд! Дома я пил только пиво! Ох, устал! Ты не против, если я немного посплю?

И, не дожидаясь ответа, уронил голову на стол.

– Ты напился, малыш! – пробормотал помощник Управителя. – Жаль! Но иначе ты не выложил бы и десятой доли того, что наболтал! И сожри меня демоны Джехи, если ты, малыш, похож на самерийца!

С этими словами он перенес уснувшего Кэра в спальню, на собственную кровать.

– Надеюсь, ты не сочтешь мою постель слишком жесткой, сын вождя? – сказал он.

Задержав балдахин, помощник Управителя вернулся обратно и, попивая вино, размышлял о превратностях судьбы.

5

Прихрамывая, Фаргал, Император Карнагрии, пересек Зал Приемов, через услужливо распахнутую дверь прошел в следующую комнату и опустился в красное обитое бархатом кресло.

Один из придворных немедленно бросился снимать с царя сандалии, а второй поспешил за теплой водой.

Люг, который вошел следом, остановился рядом с царем. Ему немедленно пододвинули кресло.

– Одиннадцатый день нет дождя! – проворчал Фаргал, поворачиваясь к Люгу. – А этот старый попугай молит Ашшура о ясной погоде!

– Ты же знаешь, о царь, – так положено! – отозвался вождь соктов. – Да и какая разница? Последний раз, если верить летописям, Верховный бог проявил себя восемьсот лет назад!

– Засуха подорвет нашу торговлю! – сказал царь.

Придворный опустил разутые ноги Фаргала в ароматную воду, и вертикальная морщина на лбу царя разгладилась.

– Ты всегда можешь поправить дела, взяв в руки меч! – пошутил сокт.

– Как бы не так! – покачал головой Фаргал, но глаза его блеснули. Война была неутоленной страстью Императора Карнагрии. Но слово «Справедливость», которое царь начертал на собственном гербе, помогало ему бороться с искушением прогуляться по землям соседей.

В начале царствования было веселее. За последние пять лет только мятеж Андасана, командующего Черной пехотой, отчасти развеял «пресную» жизнь Царя царей. Отчасти, потому что самому бунтовщику удалось ускользнуть. Поговаривали, что не обошлось без помощи кое-кого из Владык. Упоминали даже имя Хонт-Хурзака, племянника свергнутого Фаргалом императора Йорганкеша. Но доказать ничего не удалось, а карать без доказательств вины было бы нарушением той самой справедливости, которая была так дорога Фаргалу.

Царь задумчиво играл алмазным кулоном, оправой которого служила золотая вязь букв императорского титула.

– Никак не выходит из головы тот... преступник, – проговорил он. – Которого должны были повесить!

– Я помню о нем, мой царь! – кивнул Люг.

– Он, – продолжал царь, – показался мне... знакомым.

– Мне тоже, мой царь! – отозвался сокт.

Он извлек из кошелька золотую монету:

– Взгляни!

На золотом диске был вычеканен профиль Фаргала, жесткий профиль правителя-воина.

– Это ответ, – сказал вождь соктов. – На то, почему лицо мальчишки-висельника показало тебе знакомым.

– Ашшур... – пробормотал Фаргал. – А ведь ты прав!

Люг усмехнулся:

– Нет ли у тебя сына, мой царь? Вернее, не было ли у тебя сына?

Лица придворных окаменели. Вопрос – вольный даже для лучшего друга Царя царей. Ведь у Фаргала до сих пор нет наследника! И то, что у Царя царей нет ни жен, ни наложниц... Впрочем, в склонности к тем, кто одного с ним пола, Фаргала тоже нельзя было заподозрить – во дворце такого не скроешь. Но слухи ходили разные. Говорили, что в покоях царя бывает некая женщина... И, бывало, постель царя была смята не так, как всегда, и запах в его покоях был – какой-то особенный. Но никто не видел, как царская возлюбленная приходит к нему, и как она уходит, тоже никто не видел. Поговаривали, она пользуется скрытыми в стенах дворца

лабиринтами. Так же, как и сам царь, время от времени покидавший дворец в одиночку, по ночам, и возвращавшийся только под утро. Непонятно было, зачем Повелителю Карнагрии скрывать свою возлюбленную... Разумеется, никто не посмел бы спросить об этом Царя царей. Придворным царя положено быть глухими и слепыми. Чтоб не лишиться глаз и ушей.

– Так что же, мой царь? Не твой ли это сын?

Губы Фаргала сжались в бесцветную нить. Но...

Кулак царя врезался в плечо сокта с силой, достаточной, чтобы сбить с ног менее крепкого мужчину.

– Нет, старина! – воскликнул Император и рассмеялся. – Будь у меня сын, он не был бы городским воришкой, убившим нерадивого стражника. Будь у меня сын...

– ...он грабил бы целые государства! – подхватил Люг. – А уж убивал не сотнями, а тысячами, мой царь! Как ты!

– Точно! – Фаргал хлопнул себя по колену больной ноги и поморщился: – Тысяча демонов! Где этот бездельник лекарь?

– Здесь, мой государь.

Царский врач, ожидавший, когда его призовут, поспешно опустился на колени у ног царя, откинул край одеяния Фаргала и принялся разматывать бинты.

– Я не жалею о том, что преступник повешен! – заявил Фаргал. – Справедливость превыше всего!

И погрузился в молчание.

Лекарь копался в ране, что-то негромко бормоча.

Люг внимательно посмотрел на царя. И нарушил его раздумье.

– Знаешь, – проговорил он, – я тоже не могу забыть того мальчишку! Может, тебе поговорить с твоими магами? Или – с астрологом?

– Если тебя беспокоит, не мой ли это сын, то – нет! – отрезал Фаргал. – Мои маги единодушно утверждают, что детей у меня нет!

– Маги? – пробормотал Люг скептически. – Нам ли не знать, как они иногда ошибаются?

– Есть более надежное свидетельство! – сказал царь.

– Чье же?

– Мое!

– А все-таки с мальчишкой не так просто! – сказал сокт. – Клянусь Ашшуром, здесь замешана Судьба!

– С каких пор ты стал верить в Судьбу, Люг Смертный Бой? – Бровь царя поползла вверх. Сокт не ответил.

Император Карнагрии поднялся. Лекарь, не успевший толком закрепить повязку, попытался протестовать, но Фаргал не обратил на него внимания. Он шагнул к сидящему сокту, возвышаясь над ним, широкий, могучий, как крепостная башня. Ласково потрепал по плечу.

– Пока я – Владыка Карнагрии, – произнес он с нежностью. – Я – твоя Судьба, Люг Смертный Бой!

– Да, мой царь, – проговорил сокт, не поднимая головы. Лицо Люга оставалось нахмуренным.

Когда процессия возвращалась из храма во дворец, три из пяти виселиц Судной площади были заняты. Но парнишки, о котором шла речь, среди повешенных не было.

«С этим следует разобраться, – подумал Люг. – Странные вещи происходят сегодня в Великондаре. Утром какой-то бродяга прикончил трех Алых... Жаль, что тупица-сотник бросил его труп в Великон! Потом этот мальчишка... Чье тело тоже пропало...»

Фаргал, прихрамывая, вернулся на свое место и позволил лекарю закончить дело. А потом еще с четверть часа просидел молча, погруженный в собственные мысли.

Царю недавно исполнилось сорок лет, но выглядел он тридцатилетним. И был так же силен, как в день, когда впервые сел на Кедровый Трон. Вот уже четыре года ни внешние, ни внутренние враги не осмеливались тревожить Фаргала. Воины его были лучшими в Империях, флот не уступал флоту соктов... Ну почти не уступал. А дружба последних делала Императора Карнагрии еще сильнее. Прислужники Аша, едва не погубившие Фаргала в первый год царствования и трижды угрожавшие его жизни в последующие пять лет, более не объявлялись в пределах Карнагрии. Не было и серьезных мятежей. И это – в Империи, где склонность к бунту – фамильная черта почти всех благородных Владык. Время шло, и даже тысячелетний свод законов и традиций Карнагрии обрел наконец некое равновесие с деятельной натурой Фаргала. Царь больше не сокрушал устои, а народ, в свою очередь, прощал царю некоторые отступления от Древности.

Видимый порядок воцарился в Империи, и беззаконию приходилось ютиться в грязи и тьме, не смея выйти не только на улицы Верхнего города, но и на площади Нижнего. Фаргал любил свою страну и обращался с ней так, как сильный мужчина обращается со своенравной женой.

Рана, полученная несколько дней назад на охоте, была его единственной раной за последние четыре года. И тревожно было царю, потому что он не доверял покою. То была не его стихия.

Два десятка слуг и придворных сдерживали дыхание, чтобы не потревожить высоких мыслей Императора. Только Люг, знаком подозвав к себе церемониймейстера, шепнул тому на ухо:

– Вели подавать обед в Большом Посольском Зале. И оповести приглашенных, чтоб были через час.

– Старший Советник Саконнин... уже распорядился! – так же тихо ответил церемониймейстер.

– А-а...

И вождь соктов, поглаживая священный браслет с изображением летящего сокола, украшавший его правую руку, принялся терпеливо ждать, пока Фаргал очнется от царственных дум.

Царь же размышлял о справедливости. И о величии. Годы спокойного царствования приглушили его чутье, и Фаргал, случайно(!) задевший еще одну нить паутины, не почувствовал, как вокруг него сплетается сеть...

Кавалерия втянулась внутрь крепости. Следом за ней, черным ручейком, – тяжелая пехота. Колеблющаяся полоса тумана скрывала эти маневры от демона, играющего за Старого Императора, но не от второго игрока. Поэтому когда он увидел, как туман рассеялся и из крепости в сторону Столицы ушла кавалькада крохотных всадников, то, использовав Право на магию, придал дюжине опытных воинов облик торговцев и, со своей стороны, тоже двинул их к Столице.

Первый игрок одобрительно кивнул. Он играл намного лучше. И не только потому, что был магом, а второй игрок – всего лишь его собственным слугой. За несколько сотен лет постоянной практики становишься виртуозом в любой игре, а маг впервые коснулся игрового поля «Пути Императора» четыре века назад, когда он еще не был одним из преданнейших слуг Мудрого, а всего лишь подающим надежды учеником Лосанской магической школы. Игра «Путь Императора» тогда еще не была под запретом в Фетисе для всех, кроме членов Императорского Дома. Ее запретили потом, когда стала очевидна связь между Игрой и Промыслом. Но тогдашний Повелитель Фетиса опоздал. «Путь Императора» уже стал известен вне пределов его страны, хотя вне ее пределов усилиями не искушенных в Искусстве великая Игра превратилась в обычное развлечение просвещенной аристократии. И только последователи Мудрого бога сумели не только сохранить, но и умножить силу Игры, ведь именно Мудрость творит

будущее. Первый же игрок по праву считал себя лучшим из мастеров «Пути Императора». И всегда достигал успеха. В Игре. В жизни это получалось не всегда...

Приманка сработала. Демон клюнул. Из ворот Столицы выползла длинная разноцветная гусеница. Войско Старого Императора. С ним самим – во главе.

Следующим ходом второй игрок ввел свою группу воинов-торговцев внутрь Столицы, а затем, вторично используя Право на магию, создал дюжины обращенных воинов двух полных оборотней и, воспользовавшись тем, что охрана временно ослаблена, ввел оборотней внутрь Императорского дворца.

Первый игрок усмехнулся. Его соперник точно оценил силы, укрытые в мятежной крепости. Армия Старого Императора вполне способна справиться с ними. В противном случае он наверняка послал бы крысу-шпиона – предупредить их общего противника о засаде. Он все оценил верно, второй игрок. На уровне своего понимания. Старый Император захватит крепость, вернется в Столицу и... Там, прямо в собственном дворце...

Первый игрок щелкнул пальцами, и все, что было на игровом поле, окаменело. Демон Игры высунулся из своей щели, сердито залопотал – и тут же растворился в воздухе. Второй игрок удивленно посмотрел на своего хозяина.

– Время, – сказал тот, качнув красивой светловолосой головой. – Не будем его дразнить.

6

Кэр, проснувшись, не сразу понял, где находится.

Над собой он увидел цветную ткань полога, под головой обнаружил подушку, набитую пухом. Сын вождя клана Мечей спит на подушке!

Кэр повернулся, и боль обожгла руку. На правом плече воспаленным узором отпечатался Коронованный Лев Карнагрии.

Сон окончательно ушел, и в памяти Кэра возник вчерашний день. В мельчайших подробностях.

Юноша подавил волнение, успокоил сердце и, как его учили, шаг за шагом пересек прошлое. Он вел себя как подобает. Если не считать последнего часа.

– Я вижу, ты проснулся! – раздался знакомый бас.

Юноша открыл глаза и холодно посмотрел на гладко выбритое лицо с синими глазами, расплюснутым носом и широким выступом подбородка.

Хар-Руд! Хозяин!

Усилим воли Кэр удержался от презрительной улыбки.

Хозяин!

Что может сделать свободного – рабом? Путь Смерти всегда открыт. Но нет, Кэр не будет торопить Освободительницу!

Хар-Руд отодвинулся, и юноша спрыгнул на пол. Паркет под босыми ногами был неожиданно теплым.

Хозяин смотрел на него взглядом, каким сам юноша дома смотрел на любимого пса.

– Нужду справишь во дворе. И умоешься. Увидишь где! – сказал помощник Управителя. – Да поторопись: нам есть чем заняться.

Кэр ничего не сказал. Он вышел наружу и огляделся.

Мощный двор, окруженный с трех сторон дворцовыми постройками. С четвертой – каменная стена в два человеческих роста. В стене – ворота, через которые Кэра вчера ввели на Гладиаторский Двор. За ними – город.

Три здания смыкаются углами, два – прорезаны арками. Но маловероятно, что это путь к свободе.

Во дворе Кэр увидел около десятка мужчин. Воины, судя по внешности. У каждого на руке – царское клеймо, а кожа буквально испещрена шрамами.

Нужник представлял собой широкую доску с дырками, переброшенную через канаву с бегущей водой. Десятью шагами выше канал расширялся, образуя что-то вроде маленького бассейна. Кэр помочился, сошел с доски и, подойдя к расширению, зачерпнул ладонью воду. Понюхал. Потом, скинув одежду, прыгнул в канаву. Было мелко, по пояс. А вода жгла холодом, словно в горном ручье. Кэр с наслаждением окунулся с головой.

– Эй, парень! Здесь не купальня для поросят! – раздалось сверху.

Кэр не спеша окунулся еще пару раз и выбрался на берег. Поднял хитон.

– Ты слышал, что я сказал, сопляк?

Мужчина ростом чуть повыше Кэра, коротконогий, короткорукий, смуглый, в упор глядел на юношу. Глаза у коротышки были – густой синевы.

Кэр равнодушно посмотрел на мужчину и принялся растираться хитоном.

– Глухой, да? – Короткие волосатые пальцы схватили его за плечо. Там, где багровело клеймо.

Кэр резким ударом сбросил руку...

И оказался на камнях. Голова его шла кругом, подбородок онемел.

Коротышка стоял над ним, наклонясь, расставив мускулистые ноги.

– Будь вежливым, щенок! – проговорил он. – Будь вежливым – и тебе сразу станет легче! Голова Кэра перестала кружиться, и юноша приподнялся на локте. Коротконогий глядел на него сверху немигающими глазами. Как сова.

Кэр оперся на руку и пнул коротышку в пах.

Тот хекнул и согнулся пополам. Кэр вскочил на ноги.

Но, пока он размышлял, стоит ли ударить еще раз, синеглазый разогнулся... и юноша снова оказался на камнях. Носок деревянной сандалии врезался ему в ребро.

– Устул! – по-бычьи заревел Хар-Руд с противоположного конца двора.

Коротышка с наслаждением пнул еще раз и отступил назад.

Вокруг собрались обитатели Гладиаторского Двора. Но никто не предложил Кэру руку, чтобы помочь встать.

Сын вождя поднялся и с трудом распрямился.

Хар-Руд бесцеремонно растолкал всех и оказался рядом с Кэром. Даже среди этих здоревенных парней помощник Управителя казался огромным.

– Этот парень – гордец! – прорычал он. – Но он прикончил стражника его же мечом! И смотрел в глаза Фаргала так же спокойно, как на топор палача!

– Красиво сказано! – сказал кто-то насмешливо.

– Можно попроще! – заявил Хар-Руд. – Если кто тронет парня до тех пор, пока я не скажу: «Можно», – пожалеет о том, что родился! Ясно, мясники? А ты, – он повернулся к Кэру, – имей в виду: среди Потерявших Жизнь ты – последний!

Кэр молчал.

– Я же сказал, гордец! – с удовольствием произнес Хар-Руд.

– Арена гордых не любит! – сказал кто-то. – А если какой-то вшивый...

– Так, Кушога! – холодно оборвал его помощник Управителя. – На Играх будешь стоять против своего дружка Боса!

– Несправедливо! – проворчал высокий длиннорукий гладиатор. – Это несправедливо, Хар-Руд!

– Ты, Бос, помалкивай! – отрезал помощник Управителя.

Но чувствовалось, что к высокому он относится не так, как к остальным.

– А ты, Кушога, за справедливостью можешь обращаться прямо к царю!

Раздался хохот.

– Пошли, Кэр! – Помощник Управителя обнял юношу за плечи. Да так, что вырваться было бесполезно.

Кэр и не пытался. Похоже, Хар-Руд – вождь. А сыну вождя не зазорно подчиняться вождю. Или наставнику.

– Я голоден! – заявил он, едва переступил порог дома помощника Управителя.

– Потерпишь! – отрезал Хар-Руд. – Хочу посмотреть, на что ты способен с пустым брюхом!

Кэр не стал спорить. Обходиться без еды три-четыре дня в клане Мечей умеют пятилетние мальчишки.

Хитон Кэр все еще держал в руках. Он хотел одеться, но Хар-Руд не дал.

– Стань-ка прямо! – приказал он. – А теперь открой рот! Хм! Зубы у тебя как у гиены!

Согнутым пальцем помощник Управителя постучал юношу по груди, потом несильно ткнул в живот, промычал что-то одобрителное.

– Повернись! Эй, что это у тебя на спине?

Кожа между лопаток юноши была испещрена крохотными шрамами.

– Испытание, – ответил Кэр.

– Продолжай! – сердито приказал Хар-Руд. – Что же, каждое слово из тебя клещами вытягивать?

– Красные муравьи! – сказал юноша. – Их привязывают к решетке из тростника, по одному – к каждой крестовине, конским волосом. А решетку – к спине.

– Жгучие красные муравьи? – переспросил Хар-Руд. – Это их следы?

– Ну да! – подтвердил Кэр. – Ты знаешь, что это за насекомые?

– Знаю! – Хар-Руд покачал головой. – Эта дрянь водится даже у меня на родине, в Эгерине!

– Ты – эгерини ?

– Да! – не без гордости ответил помощник Управителя. – Как царь Фаргал! И я, признаться, думал – ты тоже из наших!

– Я? Почему? – удивился юноша.

– Похож. Хотя, конечно, такие светлые волосы, как у тебя, для урожденного эгерини – редкость. Оденься! Нет, хитон оставь, только повязку! И – погоди!

Он вынул коробочку с желтой мазью и наложил ее на воспаленное плечо.

– Конечно, в сравнении со жгучими муравьями – это ничто, – заметил он. – Кстати, Устул тебе ничего не попортил?

– Да нет. – Юноша потер бок. – Он ловко дерется!

– Подлая тварь, – отметил Хар-Руд.

Без осуждения. Как факт.

Они вышли наружу. Через одну из арок вошли в тоннель шагов сорока длиной. Пройдя его, снова оказались на солнце.

Перед Кэром лежал прямоугольный двор, не замощенный, а поросший густой травяной щеткой. В длину двор достигал сотни локтей, а в ширину – вполовину меньше. Десятка два мужчин упражнялись здесь в боевом искусстве. Некоторых Кэр уже видел утром: беловолосого Кушога, длиннорукого Боса. Последний наблюдал сейчас за поединком двух воинов в десяти шагах от сына вождя. В руках Бос держал длинный бамбуковый шест, которым он время от времени поправлял сражавшихся. Воины орудовали деревянными мечами, а голову и туловище, кисти рук, предплечья и голени каждого из поединщиков защищали кожаные доспехи. Но били они в полную силу.

За первым двором, через проем между двумя врытыми в землю каменными столбами, виднелся второй, такой же. За вторым – третий.

У Кэра загорелись глаза, когда он увидел воинов, орудующих мечами и копьями, отрабатывающих силу и быстроту с помощью хитроумных механизмов. Ему вспомнилась уединенная долина в горах, где оттачивали мастерство воины клана Мечей. Кэр лишь дважды удостоился чести побывать там. Только как зритель.

– Хватит пялиться!

Хар-Руд подтолкнул юношу к вертикальному столбу, основание которого было опущено в яму с черной жидкостью. Поперек столба были укреплены две жерди: одна – на высоте подбородка, вторая – на уровне колен.

Верхушку столба украшало небольшое колесо, через которое проходил длинный ремень, тянувшийся к еще одному столбу. Второй столб был без жердей, зато с деревянным устройством из нескольких колес – сбоку.

Потный здоровяк крутил рукоять, заставляя столб вращаться. Это вращение через ремень передавалось столбу с жердями, а тот, в свою очередь, приводил в движение двух парней, вынуждая их то пригибаться, то подпрыгивать, чтобы избежать удара жердью.

Мальчик лет шести время от времени поливал водой вращающиеся колеса.

Хар-Руд дал знак одному из парней отойти, что тот сделал с явным облегчением.

– Давай-ка на его место! – приказал помощник Управителя Кэру.

«Так кто он – вождь или наставник?» – подумал юноша.

Выждав момент, Кэр шагнул к столбу.

Уклоняться от жердей было нетрудно. Простой ритм – простые движения.

Хар-Руд подошел к рабу, вращавшему механизм и, оттолкнув его в сторону, сам взялся за рукоять.

Скрип трущегося дерева стал на тон выше. Раздался сухой удар, вскрик. Парень, прыгавший рядом с Кэром, откатился в сторону, держась за ушибленную ногу.

Помощник Управителя раскручивал рукоять. Жерди с шипением рассекали воздух.

Кэр подпрыгивал, сжимаясь в воздухе в комок, чтобы верхняя жердь не разбила ему голову. На такой скорости даже гладкое дерево могло расколоть череп. Подпрыгивал, распрямлялся, ударяя ногами в землю, снова подскакивал. Голова – к коленям. Два удара сердца – прыжок. Два удара – прыжок.

Даже могучий Хар-Руд не мог бы раскрутить столб быстрее. Трущееся дерево пронзительно скрипело. Два удара – прыжок. Два удара – прыжок.

Кэр понял: надолго его не хватит. Но тут помощник Управителя придержал рукоять. Столб остановился. Остановился и Кэр, тяжело дыша.

Человек десять, привлеченных звуком вращавшегося с бешеной скоростью столба, столпились вокруг. Кто-то одобрительно свистнул.

– Крепко! – сказал тот, кого звали Кушога.

– Ну-ка, дайте пройти! – велел помощник Управителя. – Кэр! Ты не уснул? В сторону, ребята! В сторону!

Они пересекли двор и оказались у механизма, похожего на первый. С той разницей, что вместо жердей к столбу были прикреплены блестящие стальные лезвия.

Устройство бездействовало. Но когда Кэр и Хар-Руд подошли к нему, человек двадцать воинов и учеников, заинтересованные, приблизились и остановились поодаль, наблюдая.

– Проверим, на что ты способен! – проворчал помощник Управителя. Он подтолкнул Кэра к столбу и взялся за рукоять.

– Эй! Дай ему отдышаться! – крикнул Кушога.

– Заткнись! К бою, парень!

И отточенная полоса металла двинулась к лицу юноши.

Кэр наклонился, подпрыгнул – и вторая полоса прошла в пяди от подошв его сандалий.

Ось раскручивалась, но далеко не так быстро, как на первом снаряде. Кэр никак не мог взять в толк, к чему это новое испытание.

– Он проворен, как сам Фаргал! – заметил Бос, останавливаясь рядом с пытящим Хар-Рудом. – И, клянусь Ашшуром, ему все равно: палка или меч!

– В самую точку! – отозвался помощник Управителя.

– Ставлю большой серебряный, что парень продержится полсотни кругов!

– Для меня он готов! – сказал Бос.

– Так считаешь? – Хар-Руд отпустил рукоять, тяжело дыша.

– Пергаменты и счета тебя доконают! – заметил Бос.

– Надеешься меня пережить? – усмехнулся Хар-Руд. – Эй, Кэр! Иди сюда!

Когда юноша подошел, помощник Управителя присел на корточки и потрогал его колени.

– Передохни пару минут! – сказал он.

– Я не устал!

– Да? Если я сказал: передохни значит, отдыхай! – рявкнул помощник Управителя.

– Да, наставник! – вырвалось у Кэра.

– Что? Обращайся ко мне: господин Хар-Руд! – сердито сказал эгерини. – Отдыхай!

– Да, господин Хар-Руд.

Юноша сел на землю, вытянул ноги и опустил голову на колени.

Брови помощника Управителя поползли вверх.

– Бос,– приказал он,– возьми пару деревянных мечей, сам подберешь, какие надо, и приступай. Да смотри поаккуратнее,– добавил он, понизив голос,– не попорти парнишку, из него выйдет изрядный боец!

– Не слепой, вижу,– буркнул высокий гладиатор.– Что это он делает?

– По-видимому, отдыхает.

– Да ну? – восхитился Бос.

– Кэр!

– Да, господин Хар-Руд?

Юноша вмиг оказался на ногах.

– Этот человек,– помощник Управителя похлопал Боса по загорелому плечу,– займется тобой. И не смей ему перечить!

– А почему он, а не ты?

Бос расхохотался, а Хар-Руд нахмурился.

– С ним трудно,– сказал он.– Но дело того стоит.

Сказано было на диалекте эгерини.

Высокий гладиатор внимательно оглядел Кэра, а тот, в свою очередь, нового наставника.

Оба остались довольны.

– Пошли, бродяга! – Длинная жилистая рука несильно хлопнула Кэра по затылку.– Если я для тебя плох, боюсь, тебе долго не сыскать учителя!

7

Царская лодка неторопливо двигалась вверх по Великону. Попутный ветер наполнял квадратный парус, на котором – золотом на красном – был выткан Коронованный Лев Карнагрии. Тень паруса косо пересекала верхнюю палубу, где в одной набедренной повязке возлежал на шелковых подушках Царь царей Фаргал. Император Карнагрии бездумно смотрел, как два ряда длинных весел опускаются в зеленую воду реки. Ветер, особенно сладостный в жаркий полдень, овеивал медно-загорелую кожу царя точно так же, как и худые потные спины гребцов на нижней палубе.

Фаргал возвращался в столицу из Великонкада, города-порта, расположенного в устье Великона восьмьюдесятью милями ниже столицы Карнагрии.

Когда Фаргал отнял Кедровый Трон у императора Йорганкеша, он слабо представлял себе, что такое – быть Императором Карнагрии. То есть он был великолепным воином, превосходным полководцем, более того, несмотря на молодость, лучшим военным стратегом в Четырех Империях. Фаргал был идеальным государем... для войны. Идеальным завоевателем. Если бы Император Карнагрии выполнил свое предназначение (о котором не ведал), то сейчас весь обозримый мир: от Ашских гор до пустыни Джехи, включая скалистые гнезда кушоба, архипелаг Табе и Священные острова Сок, – лежал у ног Фаргала. Ибо он был тот, кому *предназначено* было завоевать этот мир. *Завоевать, но не править*. Талантом *мирного* правителя Фаргал наделен не был и удержать в *мирном* повиновении завоеванное не смог бы никогда. Впрочем, тот, кто некогда оставил на обочине дороги мальчонку, которому было предназначено завоевать мир, и не рассчитывал на Фаргала-*правителя*. Распорядиться завоеванным он намеревался сам. И цель его была куда значительнее, чем просто власть над Четырьмя Империями...

Но Фаргал не стал завоевателем. Потому что рядом с ним оказались два сокта, два воина-жреца незримого бога Яго, которым было суждено (или *предназначено* ?) изменить судьбу Фаргала. Одного из соктов звали Люг Смертный Бой, Друг Царя; второго, полномочного посланника Священных островов в Карнагрии, звали Кен-Гизар. Именно этот человек научил Императора-завоевателя *править* и сумел внушить Фаргалу, что мир – лучше, достойнее и справедливее войны.

И Фаргал смирил свою жажду битвы, упрятал талант полководца поглубже и принялся *править* сильнейшей из Четырех Империй.

Многие жаждали высшей власти. Многие были готовы на все ради высшей власти. Многие были бы счастливы обладать ею... Император Фаргал счастлив не был. К власти как таковой он был равнодушен, поэтому никакого удовольствия от собственно власти Фаргал не получал. Его раздражали многочисленные ритуалы, которые было предписано исполнять царю. Его утомляли бесчисленные документы, указы, прошения, требовавшие его решения, Фаргала повергали в смертельную скуку бесконечные церемонии и приемы. Даже хитросплетения высшей политики перестали его развлекать, когда он начал более-менее в них разбираться. Все оказалось невероятно скучно. Политика практически не отличалась от рыночной торговли, разве что цены повыше да товар – с гнильцой.

Тем не менее Фаргал относился к своим «обязанностям царя» достаточно ответственно. И довольно быстро навел порядок и в стране, и в столице. Главным образом потому, что умел находить и приближать к себе нужных людей... А также перекладывать на них львиную долю забот по управлению государством. Впрочем полностью он доверял только самым близким: Кен-Гизару, Люгу, Старшему советнику Саконнину, капитану дворцовой стражи Шотару... Остальные же, будь то Владыки земель, наместники, высшие чиновники, были готовы к тому, что у ворот их дворцов и замков в любой момент, *совершенно неожиданно* могут появиться

Алые личной царской охраны, а следом – и сам Владыка Карнагрии. На горе тому, чьей деятельностью Император окажется недоволен.

Впрочем, и эти внезапные проверки давно перестали развлекать Царя царей. Вот и сейчас он посетил Великондар, крупнейший порт своей Империи, главным образом потому, что хотел лично встретить посланника Священных островов, своего друга и советника Кен-Гизара.

И вот он, Кен-Гизар, возлежит здесь, рядом с царем, большой, тучный, темнокожий, бросает в рот желтые крупные виноградины и певучим завораживающим голосом высокорожденного сока повествует о том, что произошло в Империях за прошедшие полгода. Новости, собранные мореплавателями Священных островов, всегда самые свежие.

– ...Кансу опять сожгли три южные области Фетиса. Не помогла даже новая линия крепостей, возведенная за прошедшие пять лет. Астрологи заранее предупредили императора о набеге, армия Фетиса два месяца держала границы, а все-таки кочевники ухитрились просочиться через заставы и, больше того, беспрепятственно ушли в свои степи со всей захваченной добычей!

Фаргал засмеялся.

– Коннице Хаттуса никогда не изловить верблюжатников, с добычей или без! – сказал царь. – Фетсы слишком ленивы и больше надеются на стены, чем на остроту копий. Кончится тем, что Хаттусу придется огородить стеной всю южную границу.

– Ты угадал, о царь!

Кен-Гизар взял новую кисть винограда.

– Именно это Хаттус собирается сделать. Только хватит ли у него средств?

– Хаттус – дурак! – пренебрежительно бросил царь Карнагрии. – Я приручил бы кансу меньше чем за год!

– Каким образом, царь?

Посланник соков с любопытством поглядел на Фаргала.

– Мой старший маг, Мескес, – фетс, – сказал царь. – Он говорит: в южных степях раз в три-четыре года пустыня делает шаг вперед. Засуха. И кансу нечем кормить свои стада и своих детей. Голод гонит их на север. А на севере – жирный ленивый сосед. Ашшур! Пусть Хаттус построит стену в сто локтей высотой – верблюжатники найдут в ней лазейку!

– Так что бы все-таки сделал ты, о царь? – напомнил Кен-Гизар.

– У кансу – добрая дюжина кланов! – произнес Фаргал. – И они – как эти! – Царь показал на отмель, где грелись на солнце несколько черных великонских крокодилов. – Собираются вместе, только чтобы урвать кусок гнилого мяса. Да и то: чуть что – каждый готов загрызть соседа! Я купил бы верность нескольких племен, послав им столько подарков, сколько им никогда не увезти на своих верблюдах. И столько еды, что хватило бы на три года засухи. А взамен попросил приструнить соседей. Клянусь Ашшуром, через год я взял бы за глотку и тех и других!

– Дань варварам? – поморщился Кен-Гизар.

– Мой дед Тарто говорил: у мертвеца нет гордости. И еще он говорил: не задирай нос перед волком – он бьет снизу!

– Из твоего деда вышел бы неплохой правитель!

– Он и был правителем! Труппа ходила у него по струнке! И за все время, что я провел с ними, ни один не умер насильственной смертью! Иной раз не худо царям поучиться у старшины цирковых!

Кен-Гизар скрыл улыбку, наклонившись над блюдом с фруктами. Именно он подставил плечо, чтобы посадить Фаргала на Кедровый Трон. И он же обучил царя премудростям власти. Неплохо обучил, если царь теперь может цитировать своего деда и не бояться, что Дивный город переменял хозяина, пока прежний – в отлучке.

Правда, Фаргал во всех отношениях был талантливым учеником.

Кен-Гизар окинул взглядом мощную фигуру царя, потом поглядел на собственный живот.

«Лет сорок назад я был сложен немногим хуже! – подумал он. – Но и сейчас мои женщины не променяют толстого Кен-Гизара на молодого атлета!» – утешил сокт сам себя и довольно усмехнулся.

– Цены на фетский шелк опять поднимутся! – заметил он.

– А я подниму цену на зерно! – заявил Фаргал. – И на медь!

– Кстати, о царь! О меди: старейшины Священных островов готовы обменять ее на наше олово в пропорции, предложенной твоим Советом!

– Меняйте! – разрешил царь. – Я одобряю все, о чем ты договоришься с моим Старшим Советником!

– Ты так доверяешь Саконнину? – улыбнулся сокт.

– Я доверяю вам обоим! Какие еще новости?

– Император Самери Гергобар казнил шестерых Владык по обвинению в мятеже и сговоре с айпегами. Двое заговорщиков успели уйти в Эгерин и скрыться в горах Ашшура. Остальных раздавили наемники из горных кланов.

– Когда-нибудь они раздавят и самого Гергобара, эти последыши Аша! – проворчал Фаргал.

– Не думаю, – покачал головой сокт. – Горцы разобщены! Кстати, пока Гергобар разбирался с мятежниками, корабли кушога поднялись вверх по Ашу едва ли не до самого Кандиура. А островитяне Табе, с которыми, если ты помнишь, у Императора заключен мир, разграбили восемь поселков на побережье и увезли несколько сотен рабов. Гергобар обратился к старейшинам Священных островов за помощью: ему нужно двенадцать больших кораблей.

– Пойдет мстить кушога?

– Нет, табе!

– Он может до смерти гоняться за табетскими тримаранами! – сказал Фаргал. – Шесть сотен островов!

– Я думаю, он удовольствуется десятой частью, – заметил сокт. – И не станет разбираться, кто именно совершил набег. Мы дадим ему хорошие корабли! И моряков, которые знают, какие именно из островов архипелага стоит выпотрошить! Третья часть добычи отойдет к нам!

– А я-то думаю, с чего это вы так благосклонны к Самери! – засмеялся Фаргал.

– Такова воля Великого Яго! – торжественно произнес Кен-Гизар и погладил жреческий браслет с символом сокола, украшавший запястье сокта.

Император Карнагрии, немного обеспокоенный тем, что сокты вдруг прониклись бедами Самери, отринул тревожные мысли. Там, где ссылались на волю Яго, не могло быть ущерба ему, Фаргалу. Разве не он изгнал из пределов Карнагрии прислужников Аша, исконного врага Великого Яго?

Но спроси царь об этом Кен-Гизара, тот объяснил бы ему: Мудрый Аш и Великий Яго – не чета древним богиням Ирзаи и Таймат, что, как гласит предание, могут существовать на земле только порознь. Мудрость Аша проникает в прошлое и провидит будущее, но настоящее принадлежит Яго. Но, увы, жрецы Аша не желают понимать очевидного и отдать власть над настоящим последователям Яго. Так что против самого Аша Кен-Гизар ничего не имел, но вот жрецов его, по мнению сокта, следовало удерживать на коротком поводке. А оборотней, демонов, одержимых и прочих порожденных и вызванных ашскими магами тварей следовало безжалостно уничтожать.

Правда, пожелай царь узнать мнение самих жрецов Аша – услышал бы прямо противоположное. Но Фаргал общался с последователями Змеебога только мечом. И потому не знал, что даже его собственное имя, Фаргал, – всего лишь одно из имен Мудрого Аша. Кен-Гизар, впрочем, об этом тоже не знал. Но последователи Яго жили не прошлым, а настоящим. И дей-

ствовали тоже в настоящем, выбирая правильный путь интуитивно или по прямому указанию своего незримого покровителя. А здесь, где до гор Яго намного ближе, чем до гор Аша, у последователей Сокола были все преимущества перед последователями Змея.

– Все ли благополучно в твоей Империи, о царь? – осведомился посланник соктов.

– Моя лошадь споткнулась на охоте! Айпегская кобыла, которую я купил в прошлом году! И, о Ашшур, это самое важное событие, если не считать Игр, которые начнутся через три дня!

Упомянув об Играх, царь скривился от отвращения.

– Кобыла в порядке? – поинтересовался Кен-Гизар.

– Здоровехонька! А вот я проткнул себе бедро обломком копья!

Фаргал похлопал по розовому шраму на своей ноге.

Мимо проплыла баржа, доверху нагруженная зерном. Кормчий, забыв о рулевом весле, глазел на царский корабль.

– А что Андасан, о царь? – спросил сокт.

Фаргал поморщился. Бывший тысяцкий Черных Андасан был колючкой у него в сандалии. Пять лет назад Фаргал уничтожил всех, чье участие в бунте было доказано. Всех, кроме Андасана, успевшего удрать в Фетис через горы Яго. Император Хаттус, не желавший портить отношения с могущественным соседом, схватил беглого мятежника и морем отправил в Карнагрию. Но Андасан подкупил моряков, высадился на севере Империи Фаргала и поднял против царя две прилегающие к Карну области. Фаргал потратил полгода, чтобы восстановить порядок... А Андасан опять ухитрился улизнуть. На этот раз – в Эгерин, где пытался снять расположение Императора Хар-Азгаура. Тщетно. Хар-Азгаур боялся Фаргала еще больше Хаттуса: ведь перебраться на противоположный берег Карна куда проще, чем перевалить через горы Яго. Андасан на сей раз оказался достаточно осторожен, чтобы не дать себя схватить. Поддержки он, разумеется, не получил и теперь разбойничал где-то на юге Эгерина. Это было куда безопасней, чем грабить вельмож Карнагрии. В Эгерине большинство Владык рассматривало землю соседа как потенциальную добычу, а самого соседа – как кровного врага. Стовариваясь то с одним, то с другим, Андасан сколотил собственное войско, нахapaл эгеринского золота и вполне мог доставить Фаргалу неприятности. Царь же Эгерина хоть и слал южному соседу регулярные жалобы на бесчинства мятежного тысяцкого, но от военной помощи отказывался. Карнагрийскому Льву дай только поставить лапу на левый берег Карна!

– Андасана видели в эгеринских предгорьях Ашшурова хребта, – ответил Фаргал. – Когда-нибудь он переберется на мою землю, и я сверну ему шею!

Царь хлопнул ладонью по ковру, на котором был выткан один из его предшественников-императоров. Восседавая на троне с двумя чашами в руках, Император утвердил одну ногу на отрезанной голове менее удачливого соседа, а вторую – на золотой короне, ранее украшавшей эту голову. Две обнаженные девушки ласкали колени царя. Надо полагать, дочери покойного.

Царская лодка подошла к пригородам Великондара. Заросли тростника здесь были реже, чем ниже по течению. Глина и тростник – основной строительный материал тех, кто победней. Кроме того, из сердцевины белых стеблей делали лучшую в Четырех Империях бумагу.

Белая цапля опустилась на палубу царской лодки. Ее не тронули. Цапля считалась приносящей удачу. Или сулящей скорую встречу с потерянным родственником.

Охранники Фаргала поднялись и взяли наизготовку луки. Не в ожидании реальной опасности, а дабы все видели: царская стража – начеку.

Впереди показалась городская стена.

Фаргал, царь Карнагрии, считал себя эгерини. Хотя одному Ашшuru было ведомо, кто он на самом деле и кому обязан появлением на свет.

Лет четырех от роду маленького бродяжку подобрал странствующий цирк. Так удача в первый раз улыбнулась Фаргалу. За ночь до этого умер от внезапной болезни маленький внук старшины цирковых, и труппа осталась без актера. Завидев на обочине ребенка того же пола

и возраста, как умерший внук, старшина принял его как дар Ашшура. Тем более что малыш, одетый в сущие лохмотья, был на удивление крепок и упитан. И не помнил ничего, кроме своего имени: Фаргал. Никогда не слышал старшина Тарто подобного имени в Эгерине. Но разве чудное имя более удивительно, чем четырехлетний нищий с аккуратно подстриженными ногтями на руках и ногах?

Возблагодарив Ашшура, старшина принял мальчика как внука, возвратившегося из Царства Мертвых.

Найденыш пришелся ко двору. Настоящий талант. Тарто окончательно уверился: рука Ашшура.

Мальчик рос как бамбук: к семи годам сходил за десятилетнего. А к восьми запросто крутил двойное сальто и вгонял одним броском пару кинжалов в глаза нарисованного кушога. Теперь на каждом представлении Тарто рассказывал историю найденыша, и находились простаки, что верили: мальчик – посланец самого Ашшура. Так силен и красив был маленький Фаргал – засмотришься и уронишь в кружку серебро вместо меди. Не раз уже подкатывались к Тарто с предложением продать найденыша. Не раз разочарованные отказом сулили взять силой. Но только однажды отвергнутый купец подослал воров. Зря. С десятком цирковых не совладает и разбойничья шайка. Четыре трупа привез на судейский двор Тарто, но справедливости не нашел: купец платил золотом. Хоть двое оставшихся в живых воров прямо указывали на него – откупился. Мягки законы Эгерина к богатым. Пусть радуется циркач, что в тюрьму не угодил. Трупы-то – нападавших.

В пятнадцать лет Фаргал выглядел как мужчина. А в семнадцать покинул труппу и, удивив цирковых, нанялся в стражу храма Таймат, богини, издревле почитаемой в Эгерине. Однако ж сам Фаргал знал, почему он так поступил. А о том, что было с ним в святилище Таймат, не рассказывал никому. Впрочем, все знали: очень быстро был возвышен неофит от стражника до старшего жреца. И тогда (неслыханное дело!) покинул храм по знамению самой богини. И направился в Карнагрию.

Был разбойником, гладиатором, наемником, военачальником, и, наконец, благосклонная Судьба вместо смерти подарила ему Кедровый Трон Императора Карнагрии.

8

– Твоя опочивальня! – усмехнулся Хар-Руд и распахнул дверь.

Разочарование Кэра было столь явным, что помощник Управителя похлопал его по плечу:

– Ты думал, и дальше будешь спать на моей собственной постели? Ошибаешься! Если я и буду делить ее с кем-то, так с существом понежней тебя!

Сборщик тростника счел бы комнату роскошной. Но Кэру из клана Мечей она показалась тюрьмой. Узкая: два шага в ширину, шесть – в длину. Окно – горизонтальная щель в две ладони шириной, под самым потолком. Низкая лежанка с засаленным тюфяком и табурет – вся обстановка. Если не считать вмурованного в стену кольца с железной цепью.

– Да, – кивнул Хар-Руд, перехватив взгляд юноши. – Это сделано для таких, как ты. Но – не беспокойся! С тех пор, как Фаргал стал царем, а Гронир – Управителем Гладиаторского Двора, здесь редко пользуются этими штуками. А вот когда в этой комнатенке обитал сам Фаргал, цепь не оставалась без дела. Однако ж и это получше, чем грязная яма на городской площади, куда сплавляют менее удачливых нарушителей закона!

– Фаргал жил здесь? – Глаза Кэра обежали серые шершавые стены, испещренные надписями на разных языках и похабными рисунками. Причем рисунков было куда больше, чем надписей. По понятным причинам.

– Кстати, ты умеешь писать?

Юноша покачал головой.

– Плохо. Но – научишься. А пока имей в виду: если здесь появится еще одна женская задница, твоя задница пострадает!

Кэр рассмеялся.

– Рисовать я тоже не умею, – сказал он. – Так что же о Фаргале, наставник?

– Он жил в этой самой камерке, малыш! – отвечал Хар-Руд. – Я приказал Ордашу перебраться в соседнюю, а эту освободить для тебя!

– Зачем?

– Мне кажется, – помощник Управителя пронзил юношу взглядом, – тебя она воодушевит! И перестань напрашиваться на неприятности, парень!

– Я изучаю ваши правила! – попытался оправдаться Кэр. Он видел, что Хар-Руд желает ему добра.

– Вот и хорошо!

Помощник Управителя повернулся, причем его широченная спина перекрыла комнатушку от стены до стены, и вышел.

Чуть погодя Кэр толкнул дверь. Она подалась. Хар-Руд не задвинул наружный засов. Открытая дверь – знак доверия? Или новые правила Гладиаторского Двора?

Правила, правила! Открытая дверь лучше, чем стальная цепь. Но дурак тот, кто сажает на цепь воина. Человек не барс. Нет такой цепи, чтобы обезопасить хозяина от оскорбленного мужчины, умеющего убивать! В селениях клана Мечей тоже были рабы, пленники. Их презирали, но и жалели. Если воин из-за ранения или по иной причине не смог умереть в бою, – это его беда! Рано или поздно такого выкупят соплеменники. А тогда уж родичи выкупленного решат: умертвить его, подвергнуть испытанию или сделать вид, что не было никакого плена. Законы гор просты: можешь – сражайся, не можешь – покорись Судьбе, не роняя чести. Это законы, а не правила, как на равнинах. На равнинах же меч оказывался важнее того, кто его носит.

Так полагал Кэр. Когда между ним и всем остальным миром стоял человек с мечом. Наставник. Кэр был наивен. Так его воспитали. Характер будущего воина должен быть прям,

как меч. Только старшие: вождь, старейшины, наставники – идут дальше и принимают мудрость из уст древнего бога Ашских гор. Был, впрочем, и иной путь. Сойти в мир с оружием в руке и узнать этот мир, как познает его воин. Многие из клана Мечей, да и из других кланов, так и поступали. Но клан Кэра – первый из кланов. Потому в Самери каждый: воин, богач или простолюдин – спешил убраться с дороги, узнав орнамент клана Мечей на одежде наставника Кэра.

Воин клана, спускаясь на равнины, несет с собой и законы клана. И только одно для него важно: что скажут о нем родичи. Что же до прочих людей: уважение к законам гор поможет им остаться в живых при встрече с настоящим бойцом.

Никто не осмеливался заговорить с подопечным воина клана Мечей в Самери. Никто не разговаривал с Кэром, когда они плыли к побережью на речном судне по реке Аш. А когда они сели на корабль, идущий в Великондар, капитан его, самериец, живо втолковал матросам и пассажирам, что бывает, если станешь перечить воину клана Мечей.

Но вот наставник и юноша сошли на берег Карнагрии, и все переменялось.

Оба переоделись в местную одежду, причем не самую лучшую. Бронзовый знак Аша, скреплявший косу наставника, сменила обычная заколка. Только сама коса, свернутая змеей на затылке, да меч за спиной говорили о том, что жилистый старик с широким бледным лицом – воин из горного клана Самери. Никто больше не кланялся угодливо, когда самерийцы заходили в харчевни и постоялые дворы. Но никто и не задирал всерьез. Меч – везде меч. Достаточно было наставнику посмотреть в глаза дерзкому – и тот отступал. Неприятностей не было, ведь самерийцы тоже их не искали. Наставник по-прежнему стоял между Кэром и окружающим миром.

Пока они не прибыли в Великондар.

Пока Кэр не остался один.

Юноша проглотил комок, подступивший к горлу. Воину следует сдерживать свои чувства, когда он среди чужих. И Кэр изгнал боль души, как изгонял боль тела. Его приняли в новый клан. Законы этого клана – другие. Но Кэру будет нетрудно принять их. Тем более что старшие клана, те, кто заставляет других замолчать, – ему по сердцу. И сам он пришелся по нраву сильным Двора: Хар-Руду, Босу, Медведю. Конечно, они испытывали Кэра. И он, понимая, старался их не разочаровать. Хотя последнее испытание, то, которому подвергли самерийца прошлой ночью, показалось ему ненужным.

Странное испытание. Кэра словно хотели унижить, проверить, что в нем сильнее: дух или гордость. Юноша помнил все вопросы, которые ему задавали: мудрые и глупые, прямые и совершенно непонятные. Кэр отвечал, когда знал ответ. И полагал, что следует отвечать. Но если терпение его испытывали всерьез, то испытание его ловкости и стойкости выглядело как еще одна попытка оскорбить его... Такую боль может перенести и трехлетний малыш, а любая совершеннолетняя девушка клана с завязанными глазами проделает то, что делал Кэр этой ночью.

Тело Кэра не устало, устал его ум, тщетно пытавшийся совместить путь клана Мечей и требования Гладияторского Двора.

Так или иначе, но Хар-Руд дал понять: теперь Кэр – полноправный член нового клана. Правда – младший. Это неприятно. Юноша видел: тут нет законов, защищающих слабого от произвола сильного. Кэр наблюдал, как обращаются с учениками. И отчасти понимал, почему испытывали в первую очередь его терпение. Однако самериец видел и то, что к нему относятся не так, как к другим ученикам.

«Власть Хар-Руда удерживает других! – думал юноша. – Жаль, что это касается только рук, а не языков!»

Любая из здешних шуток на родине Кэра обернулась бы для шутника смертельным поединком.

Ничего, скоро сын вождя сумеет постоять за себя не хуже, чем настоящий воин. А пока Кэр не будет обращать внимания на едкие слова.

Кэр еще не понял, что заработать уважение Потерявших Жизнь можно только собственными достоинствами. Если с ним обращались более уважительно, чем с другими учениками, то страх перед гневом Хар-Руда играл в этом не первую роль.

Кэр убил воина его собственным мечом. Не просто воина – стражника. Больше половины обитателей Двора были из осужденных преступников. И относились к городской страже однозначно. Потому охраняли гладиаторов не городские, а дворцовые стражники.

Таким образом, сын вождя сразу поднялся в глазах Потерявших Жизнь, а похвалы, на которые не скупился Бос (когда Кэр его не слышал), и, как ни странно, замкнутость самого Кэра еще больше укрепили репутацию юноши. Прошло две недели, и никто больше не напоминал о том, что Арена не любит гордых. Потому что Арена любит сильных.

Кэр не понимал, что грубые шутки, которыми приветствовали его сегодня утром, – дань уважения.

Он не знал, что все Потерявшие Жизнь прошли через это испытание. И никому из них оно не показалось пустяком. Когда Кэр, шатаясь, поднимался по лестнице, а обитатели Гладиаторского Двора глядели на него сверху и изощрялись в остроумии, сын вождя не знал, что лишь немногие из них смогли сами преодолеть после испытания шесть ступенек лестницы. И никто, кроме Боса и Медведя, не мог в такое утро твердо держаться на ногах. Но Бос – лучший воин Двора. Историю же Медведя знали все. А Кэру еще вчера ее рассказал сам помощник Управителя. В назидание.

Капитан галеры, который сам предложил раба Хар-Руду, сказал при этом:

– Я боюсь гребца, который после трех часов работы остается с сухой спиной!

– Бездельник? – спросил Хар-Руд.

– Что? Нет! Он управляется с веслом один! Он подойдет для Арены, если не побоишься взять такого медведя.

– Не побоюсь, – сказал помощник Управителя. – И дам за него двоих, у которых спина потеет слишком часто! Скажи, на твоей галере скамья – на четверых?

– На двоих!

– Жаль!

– И мне – жаль!

– Но ничего! И так неплохо!

– Верно! И так неплохо!

– Выпьем?

– Выпьем!

Они ударили кружками, капитан-карнагриец и эгерини из освобожденных гладиаторов. И сделка совершилась.

Кэр, видевший галерное весло, мог бы усомниться в правдивости этой истории. Если бы не видел Медведя. Теперь же юношу могло удивить только одно: как ухитрились посадить на галерную скамью такого исполина?

Так что Медведь был не в счет.

Кэр прошелся по комнатухе. То есть сделал пару шагов, оказавшись под окошком. Юноша подтянулся на руках и выглянул наружу. Окошко выходило на тренировочные площадки, но из-за толщины стен Кэр понял это лишь по звукам, доносившимся снизу. Зато юноше было хорошо видно величественное здание с желтой крышей, над опущенными книзу краями которой белели статуи воинов. То был дворец Царского Совета. Кэр, разумеется, этого не знал. Прекрасное зрение позволило юноше различить каждую деталь резьбы, покрывавшей обращенную к востоку стену дворца. Сцены побед, которых за тысячелетнюю историю Карнагрии было не меньше, чем поражений.

У Кэра онемели пальцы, и он спрыгнул на пол.

Единственное «украшение» его каморки – испещрившие стены неумелые рисунки, в разных вариантах изображавшие одно и то же действо. Неискушенному самерийцу трудно было по справедливости оценить фантазию прежних обитателей клетушки.

Кэр распахнул дверь и выглянул в коридор. Пуст, если не считать стражника, полирующего клочком кожи острие пики. До самерийца ему было не больше дела, чем до тараканов, шныряющих по полу.

Кэр закрыл дверь и понял, что должен поспать.

Лежанка была рядом.

Кэр с сомнением посмотрел на грязный матрац. Должно быть, так и кишит насекомыми. Впрочем, юноша так устал, что уснул бы и на овечьем помете.

Он стянул с себя хитон и тут только заметил выглядывающее из-под матраца льняное одеяло. И на душе потеплело.

Через минуту Кэр спал.

9

Царь царей Владыка Карнагрии Фаргал восседал на троне в Зале Приемов собственного дворца и откровенно скучал, разглядывая фрески на потолке.

– Властитель Земли Райно благородный владыка Шарам Сарнал! – возвестил герольд.

– Фаргал, Царь царей, Владыка Владык, Император Карнагрии, милостиво приглашает Владыку Шарам Сарнала из Земли Райно предстать пред ним! – отозвался второй герольд.

Царь царей Фаргал вздохнул и откинулся на спинку обитого горностаевым мехом трона.

«Почему бы им не поговорить между собой? – подумал он о герольдах. – Вместо нас!»

Фаргалу никогда не нравился весь этот придворный театр. Ему не нравился и сам Владыка Шарам Сарнал, желчный старик, смертельно обиженный тем, что Фаргал не сделал его Советником.

«Зачем же ты явился?» – подумал царь, мрачно глядя на тщедушную фигуру Владыки.

Герольды закончили церемониальное жонглирование словами.

Владыка Шарам Сарнал важно прошествовал по зеленому ковру Тронного Зала мимо стражников в красных доспехах – к подножию царского трона.

Поклонившись, Сарнал коснулся бархата ступени рукой в белой перчатке и медленно распрямился. Медленно, потому что благородного Владыку мучили боли в пояснице.

– Что привело тебя сюда, мой друг? – спросил царь тоном, совершенно противоположным его чувствам.

И с удовольствием заметил, как дернулась щека Владыки от подобного вольного обращения. Милость иной раз жжет не хуже оскорбления.

Но Владыка Земли Райно проглотил обиду.

– Прошу защиты, мой государь! – прохрипел он.

– Говори!

– Воины Владыки Ладара вторглись на мою землю и похитили стада имения Заралан! Прошу справедливости, мой царь!

– Не сомневайся! – заверил Царь царей. – Справедливость восторжествует!

«Опять вечные споры из-за десятка угнанных овец! – подумал он. – Ашшур! Если бы это были мои стада, я не стал бы тащиться в Великондар и вымаливать помощь! Бедная моя Карнагрия!»

Царь закрыл глаза и увидел темно-зеленые, поросшие прямыми корабельными соснами пологие холмы. И фруктовые сады, мили фруктовых садов там, где полноводная Агра делает пологую петлю, огибая Землю Райно. Три года назад царь лично посетил и Землю Райно, и Землю Реми, подлежащую руке Ладара, не менее прекрасную. Посетил, чтобы убедиться: невинная девушка и слепой старик с полным кошельком золотых монет могут без ущерба дойти от берега Агры до берега Великона по Царской дороге. Потому что сила Императора Фаргала охраняет их!

В лесной тиши

Я – твой! И твой – в огне!

Твой – в гордости, в отчаянии и в славе!

Я – твой! Я жив!

И кровь кипит во мне!

Ликуй, любимая! Вот враг наш!

Обезглавлен!

О, я напьюсь

Тобой, любовь моя!

Неси мой стяг по водам и дорогам!
Ты, кровь мою
Впитавшая земля.
Карнагрия, стократ щедрее бога!

Шарам Сарнал негромко кашлянул, и Фаргал очнулся.

– Можешь возвращаться домой, Владыка Райно! – сказал царь. – Я пошлю своего капитана, и он восстановит порядок!

Это была милость. Шотар, капитан дворцовой стражи – старый боевой товарищ Фаргала. Он был тысячником Алых при прежнем Императоре, а нынешний был обязан ему жизнью. Впрочем, и Фаргал, было дело, уберег Алого от смерти. И, став Императором, назначил Шотара капитаном дворцовой стражи, то есть, по традиции, вторым по значению военачальником Карнагрии. Правая рука царя, честолюбивый, храбрый, опытнейший из Алых, Шотар при иных обстоятельствах мог бы и сам занять Кедровый Трон... Возможно, у него возникали подобные мысли, но капитан дворцовой стражи держал их при себе. Он слишком хорошо знал Фаргала, чтобы попытаться отнять у него власть над Карнагрией. Даже не будь он по-настоящему предан своему Императору, все равно капитан дворцовой стражи не рискнул бы покушаться на верховную власть. Сам Алый, он отлично знал, что без поддержки Гвардии, Алых, не стоит даже и посягать на верховную власть. Сам Фаргал сверг Йорганкеша только потому, что за ним пошли Алые (и тысячник Алых Шотар был первым из тех, кто поддержал Фаргала). Став Императором, Фаргал всегда очень внимательно следил за тем, чтобы воины Гвардии не только подчинялась лично ему, но и были уверены, что лучшего Императора, чем Фаргал, у них никогда не будет. Так что, пока жив Фаргал, капитану Шотару никогда не подняться выше своего нынешнего поста. Зато внутри Дивного города один лишь начальник царской стражи не подчинялся ему. Впрочем, начальник царской стражи вообще повиновался только царю. Сам Ашшур не мог встать между Императором и тем, кто жизнью своей отвечал за жизнь Владыки Карнагрии.

Итак, Фаргал отправит в Райно капитана Шотара. Шотару это понравится: капитан соскучился по звону мечей не меньше своего Императора. Фаргалу не по нраву Шарам Сарнал, но конфликт Владык следует разрешить немедленно и решительно. И, посылая Шотара, он, царь, показывает, как важна для него обида, причиненная Райно. Это справедливо!

– Государь! – Шарам Сарнал смущенно посмотрел на возвышавшегося над ним Фаргала. – Если мне будет позволено еще некоторое время побыть под твоей защитой...

Фаргал насторожился, но потом вспомнил, что таков традиционный оборот речи, и успокоился.

– Да, – сказал он. – Старший Советник Саконнин укажет тебе твои покои!

И поднял руку, отпуская благородного Владыку.

Так Император Карнагрии коснулся третьей из нитей паутины. Третьей, которую мог заметить. Но не заметил.

10

Дорога полого опускалась вниз, между безмолвными вековыми деревьями. Справа была сплошная тьма. Слева же между кронами просачивался лунный свет.

Два всадника рысью ехали по сухой лесной дороге.

Капюшон плаща первого был откинут на плечи. Светловолосую голову охватывала широкая серебристая диадема. Но металл, из которого шесть веков назад выковали эту чудесную вещь, был много дороже серебра. Еще древнее – вправленный в металл камень. Сердцевина его красным огнем горела над переносицей всадника. Как глаз зверя.

Глаза увенчанного диадемой всадника сами ничуть не уступали звериным. Не мигая, смотрел он вперед. И различал каждый камешек на дороге и каждый лист в темных кронах. С виду немолод был светловолосый всадник, но в седле держался уверенно, и лицо его сохранило холодную красоту. Оружия у него не было, того оружия, которое носят воины. Только короткий кинжал, что разрешен в Карнагрии любому свободному.

Второй всадник уступал первому ростом, но превосходил шириной плеч. Капюшон шерстяного плаща укрывал его голову, а из-под полы плаща выглядывали ножны длинного меча.

Сытые сильные кони бежали весело. Видно было, что они лишь недавно покинули стойла, следовательно, ночь была для всадников предпочтительнее дня.

Деревья слева расступились, и открылась широкая водная гладь, черно-синяя в свете полной луны. Озеро Реми.

– Мой господин? – Второй всадник придержал коня.

– Не здесь, Карашшер!

У человека, увенчанного старинной диадемой, был высокий свистящий голос, напоминающий звук, что издает клинок, когда им ведут по точильному камню.

Всадники некоторое время ехали вдоль берега. Вид на озеро был великолепен. Полнолуние, безветрие, тишина. И водная чаша – как драгоценность в оправе древнего леса.

Дорога снова пошла вверх, свернула, и черное зеркало скрылось за деревьями.

И снова стучали копыта по сухой дороге, а ноздри людей втягивали теплый воздух, пропитанный запахом земли и старых листьев.

– Нас ожидают, – спустя некоторое время уронил первый всадник.

Второй откинул в сторону плащ и взялся за рукоять меча. Капюшон упал с его головы, тускло блеснула сталь шлема.

Всадники проехали еще шагов двести и увидели темные фигуры, маячившие впереди.

Первый всадник и не подумал придержать коня. Он не остановился и тогда, когда между ним и преградившими путь осталось лишь несколько десятков шагов.

Перегородившие дорогу тронули коней навстречу. Трое. Обнаженные мечи тускло блеснули в темноте.

Карашшер ехал на два корпуса позади светловолосого.

По сторонам дороги раздался легкий шум, и из-под крон, из тени, отбрасываемой толстыми ветвями, выступили люди. Лучники.

Первый всадник продолжал ехать с прежней скоростью.

– Стража Владыки Земли Реми! Кто таков? – зычным голосом произнес один из преградивших ему дорогу.

Всадник в диадеме не ответил. И не остановился. Между ним и тремя стражниками осталось не больше двадцати шагов.

– Стой! – рявкнул тот же стражник.

Лязгнули забрала шлемов, закрывая лица.

Карашшер напрягся, услышав, как скрипнули натягиваемые луки. Спину его защищала двойная кольчуга, затылок и шею – сталь шлема, но он чувствовал себя голым под прицелом двух дюжин стрелков.

Первый всадник поднял руки, показывая: безоружен!

Те, что двигались ему навстречу, опустили мечи...

Напрасно!

Змеящиеся красные молнии вырвались из поднятых ладоней и вонзились в дорогу, под ноги лошадям. Животные взвились на дыбы, захрапели и, охваченные безумным ужасом, ринулись прочь. При этом лишь один из всадников сумел удержаться в седле. Остальные, со звоном, тяжело рухнули наземь и остались лежать, не подавая признаков жизни.

Карашшер толкнул коня шпорами, и тот огромным прыжком поравнялся с лошадьёю человека в диадеме.

Дружно ударили тетивы луков.

Карашшер инстинктивно пригнулся, но ни одна стрела не задела его. Быстро оглянувшись, воин увидел, как валятся на землю пронзенные стрелами лучники. Они перебили друг друга!

Конь Карашшера переступил через лежащее на земле тело, зацепил его. Раздался негромкий стон. Всадник не взглянул вниз. Он пришпорил коня и догнал своего господина. Вскоре место, где на них пытались напасть, осталось далеко позади.

– Разбойники? – спросил Карашшер.

– Нет, – последовал ответ. – Ты же слышал – это воины здешнего Владыки. Там, – поднятая рука указала на запад, – в миле отсюда – замок! – Последние слова маг произнес с особой интонацией, но его слуга был слишком взволнован, чтобы обратить на это внимание.

– Значит, это был дозор? – спросил он. – Тогда зачем ты убил их? Разве Владыка Ладар... – осекся.

Понял, что сейчас господина лучше не беспокоить. Если не хочешь присоединиться к тем, кто остался лежать на дороге.

Слева опять засверкала вода.

– Здесь, – раздался свистящий голос.

Человек в диадеме повернул коня и остановил его в нескольких шагах от берега.

На этом месте дорога проходила на два человеческих роста выше уровня воды.

Всадники спешили. Карашшер принял повод второго коня.

– Подождем, – сказал маг. – Еще не сошлось.

– Знак избранного? – указывая на небо, спросил Карашшер.

– Да, – подтвердил его господин и усмехнулся. – Очень скоро он сойдется со знаком царя! Я упреждаю их соединение во славу Аша!

– А что бы ты делал, если б нынешняя ночь не была ночью Ирзаи? – осторожно спросил Карашшер.

– Такого быть не могло, – последовал ответ. – Мудрость Змея провидит пути звезд. И творит будущее на века вперед. След Аша извилист, но тому, кто следует путем Змея, нужно опасаться только одного!

– Да, мой господин?

– Не возомнить, что прямой путь – короче! Мудрость Змея хранит его жрецов!

– Благодарю, мой господин! – Карашшер наклонил голову.

«Тебя-то Аш сохранит, – подумал он. – А меня? Что продлевает мою жизнь: мудрость Змея или магия его жреца?»

К счастью для слуги, хозяин в этот момент не слышал его мыслей.

– Пора, – произнес маг через некоторое время, и Карашшер отступил в тень деревьев, потянув за собой лошадей.

Жрец Аша подошел к самому краю нависшего над водой берега. Из-под дерна посыпалась сухая земля, но маг явно не боялся сорваться.

Он развел руки, потом соединил их горстью перед собой. Прямо из ночного воздуха в подставленные ладони посыпался белый, легкий, как пыльца, порошок.

Маг заговорил.

Камень на диадеме пульсировал, озаряя поверхность озера частыми багровыми вспышками.

Карашшер услышал голос мага, и тут же за спиной Карашшера захрапели кони, натянули поводья, пытаясь вырвать их из рук человека. Пришлось приложить немалую силу, чтобы удержать животных.

Маг умолк. Камень перестал пульсировать, но теперь вспыхнул холодным огнем порошок в ладонях. Зеленое сияние, более яркое, чем свет луны.

Маг дунул – и сверкающее облако взвилось вверх, выше его светловолосой головы, поплыло над озером.

Человек в диадеме шагнул назад и произнес одно-единственное слово.

Облако сгустилось и начало медленно опускаться.

Карашшер увидел, как сияние коснулось воды и без единого звука погрузилось в озеро. Какое-то время еще пробивался к поверхности зеленый отсвет, но потом и он угас, растворенный в свете полной луны.

Карашшер ждал продолжения, но его не было – волшебство закончилась.

Маг повернулся и, пошатываясь, побрел к лошадям.

– Помоги, – негромко проговорил он, и Карашшер, согнувшись, подставил спину под ногу хозяина.

Ему пришлось упереться руками в землю, чтобы выдержать тяжесть мага, чей вес был в полтора раза больше, чем вес любого человека того же роста и сложения. Но конь, в седло которого опустился маг, был боевых кровей, из тех, что способны галопом нести всадника в полном вооружении.

Карашшер посмотрел на озеро: водное зеркало было гладким и неподвижным.

«Не удалось», – подумал он не без облегчения.

– Она не проснулась, мой господин?

– Что? – Голос мага был совсем тихим. – Не сразу. Не сразу, Карашшер. Спавшая тысячу лет не пробуждается в одно мгновение. К твоему счастью. Или – горю! – раздался свистящий смешок. – Хочешь оказаться рядом с Ирзаи, когда она проснется? Я мог бы дать тебе такую возможность. Ты хочешь? Кто лучше Ирзаи может осчастливить мужчину? Разве что сестра ее, Таймат! – Презрительная улыбка заиграла на губах жреца Аша. – Так ты хочешь?

– О нет! Нет, мой господин! – воскликнул Карашшер, содрогнувшись. – Я служу Змею!

– ...Насколько человек может служить Ему, – пробормотал маг.

Они выехали на лесную дорогу. Маг накинул на голову подбитый шелком шерстяной капюшон. Его знобило.

Начало светать.

11

Разбудил Кэра Хар-Руд. Рядом с помощником Управителя стоял раб с плетеной корзиной в руках.

– Вставай! – скомандовал эгерини. – Хватит щеки отлеживать!

По его знаку раб достал из корзинки небольшой горшочек, полный мелко нарезанного козьего мяса, тушенного с овощами и ячменной кашей. Следом появилась деревянная ложка и глиняная бутылка с кисловатым напитком.

Кэр набросился на еду с таким пылом, что через пару минут горшочек опустел. Помощник Управителя наблюдал за юношей с нескрываемым удовольствием.

Кэр поскреб ложкой по стенкам горшка, собирая остатки, и поднял глаза на Хар-Руда. Во взгляде юноши ясно читалось: еще!

Помощник Управителя толкнул локтем замечтавшегося раба, и тот поспешно извлек из корзинки пару груш и кусок пирога, завернутый в пальмовые листья.

Кэр оживился. И молниеносно расправился с пирогом и грушами. Он чуть было не съел и листья, но Хар-Руд отобрал их и бросил в корзинку.

– Ты прожорлив, как пожар! – сказал он с одобрением. – Но не будь козлом! Не надо есть траву – потерпи до ужина. Живо одевайся – и пойдем! Я тебе кое-что покажу!

– Просто я проголодался, – проговорил Кэр, завязывая ремешки сандалий.

Юноша сам удивлялся собственному аппетиту. Раньше ему хватало куда меньшего количества еды, чтобы почувствовать себя сытым.

Спустившись вниз, Кэр, вслед за Хар-Рудом, пересек крохотный дворик с водоемом и вошел в ворота, которые подпирали плечом воин в красных доспехах. Когда Кэр прошагал мимо, воин проводил его взглядом, но не шевельнулся.

Минуто-другую юноша и эгерини петляли по коридорам, а затем снова вышли на открытый воздух.

Перед Кэром лежал круглый двор с несколькими выходами. Один из них открывался в галерею, в конце которой юноша разглядел дневной свет. Еще один выход представлял собой закрытые решетчатые ворота. Сквозь прутья можно было видеть тесно посаженные пальмы, а за пальмами – ряд больших ящиков. Ноздри сына вождя уловили тяжелый дух с привкусом падали. Кэр знал этот запах. Хищники.

– Вперед, парень! – Хар-Руд подтолкнул юношу в сторону галереи.

Пройдя по переходу, стены которого изобиловали закрытыми дверями, они опять оказались на солнце.

Кэр мысленно повторил весь пройденный путь и убедился, что запомнил каждый поворот. Пригодится, когда сыну вождя придет время попрощаться с Гладиаторским Двором!

Слова помощника Управителя, произнесенные совершенно не свойственным эгерини тоном, вернули Кэра в настоящее.

– Вот она, сынок, – Арена! – сказал Хар-Руд, и в голосе его было столько почтения, что Кэр с удивлением взглянул на помощника Управителя.

С его точки зрения, сооружение не отличалось ничем особенным. Тем более – для Великондара. Здоровенный круг, засыпанный смешанными с песком опилками, обнесенный бронзовой решеткой. Над ней – уходящие вверх ряды скамей.

Хар-Руд угадал его мысли.

– На этом месте не один век льется кровь таких, как мы, сынок! Отнесись к нему с уважением: скорее всего, и твоя жизнь закончится здесь, на этом песке!

– Не думаю, – сказал самериец без всякого хвастовства. – Твоя ведь не кончилась!

– Я,– сказал Хар-Руд,– бился один против четверых, когда все мои ребята валялись вокруг, зарезанные, как свиньи! И я победил! Толпа заставила освободить меня! Как когда-то – Фаргала!

«Толпа» было сказано с пренебрежением, но сравнив себя с царем, эгерини засиял от гордости.

– Значит, если гладиатор оказывается хорошим бойцом, его могут освободить?

«Пусть считает, что я и не думаю о побеге!»

– Хорошим бойцом? – Хар-Руд хмыкнул. – С чего ты взял? Просто бо€льшая часть горлопанов ставила на мой цвет!

– Ставила?

– Ты в кости играешь?

– Нет. Но видел, как играют! Хотя не понимаю, какой в этом толк?

– А как насчет спора? Денежного спора?

Кэр пожал плечами:

– Если двое мужчин спорят, к чему примешивать деньги?

Хар-Руд выругался.

– Ты так говоришь, потому что ты – варвар!

– А что такое «варвар», наставник?

Хар-Руд снова выругался: ну что тут еще скажешь!

– Короче,– заявил он,– имей в виду: в этом городе почти каждый мужчина бьется об заклад часто и с удовольствием! Если есть деньги! Деньги, парень, многое значат в Великондаре!

– Не больше жизни!

Так говорили в клане Мечей.

Помощник Управителя рассмеялся:

– Больше, сынок! Куда больше! Твоя, например, была куплена за золотой! Это хорошие деньги. Но еще дороже она будет стоять здесь, на Арене! Только ты – не продавец и не покупатель. А Арена... Арена, верно, куда больше, чем деньги! Ты не стой! Пройдись, пощупай ее! Думаю, очень скоро ты выйдешь сюда с мечом в руке, а эти скамьи,– он обвел рукой поднимающийся вверх амфитеатр,– будут трещать от множества людей! Да сам увидишь: до полнолуния осталось три дня!

– До полнолуния?

– Игры! Они начинаются в полнолуние! Не ночью, конечно! – Хар-Руд усмехнулся. – Через три часа после восхода! Иди поброди здесь, я подожду!

Кэр вышел на середину. В сандалии сразу набился песок. Сын вождя копнул ногой и обнаружил под ним камень. Гранит. Он оглянулся.

Над аркой, через которую они вошли, располагался ряд крытых лож и балконов. В центре, в самой роскошной из лож возвышался трон из черного дерева.

– Наставник,– спросил Кэр,– для чего эти решетки? Чтобы никто из нас не убежал?

– Здесь не убегают! – ответил Хар-Руд. – Тех, кто убежал бы с Арены, мы узнаем еще на тренировочной площадке! Решетки – чтобы отделить Арену от толпы.

– Толпа вооружена?

– Большинство – нет. В Великондаре лишь у немногих есть право носить оружие.

– Я заметил. Но послушай, а как же тогда человек сможет защититься от разбойника?

– Для того есть стража!

– Но разве стража может уследить за каждым?

– Сынок! Невелика беда, если разбойник убьет простолюдина! Главное – чтоб простолюдин не захотел убить сборщика налогов, например! Им только дай оружие!

– Ты так думаешь?

Кэр был поражен.

– Я – нет! – Хар-Руд снова рассмеялся. – Но Императорам лучше знать!

– Но царь Фаргал, неужели он боится какого-нибудь ремесленника с ржавым мечом?

– Фаргал, может, и не боится. Но Фаргал – только царь! Здесь, во дворце, есть Зал Царей.

Там они стоят, один за другим, как солдаты на плацу! Что для Империи – царь, когда ее законам тысячи лет!

– Ты много знаешь об этой стране! – с уважением произнес юноша.

– Да, много, – согласился Хар-Руд. – Но куда меньше, чем тот законник, что собирался тебя повесить! Хотя видишь: ты жив!

– Да, – подтвердил Кэр. – Потому что ты воин!

Помощник Управителя покачал головой:

– Потому что – золото! Ты спрашивал о решетках? А потом спросил: вооружена ли толпа.

Почему?

– Зачем воину нападать на безоружных? Хотя... – он запнулся, – тут ведь это – обычное дело?

– В самую точку! Да, многим из наших парней приятно было бы поковыряться мечами в жирных тушах ублюдков. Но – много чести! Решетки – это от зверей!

– Здесь что, охотятся?

– Охотятся. По-великондарски.

– Это как?

– Травят быков – волками, медведя – львами, львов – носорогом! А чаще всего всем этим зверьем – дичь, что на двух ногах да без перьев!

– Людей?

– Догадлив, сынок!

– Что ж, – рассудительно произнес Кэр. – Я тоже однажды леопарда убил. Рогатиной.

– А без рогатины?

– Шутишь?

– С чего взял?

– Ну... – юноша замялся, потом, вспомнив: – Нидир, из Беркутов, убил леопарда камнем!

Но тот, правда, сильно его порвал!

– А я, – сказал Хар-Руд, – знаю человека, что голыми руками на этом самом месте прикончил взрослого льва! Правда, лев был горный, мелкий... Но из тебя, к примеру, вмиг выпустил бы внутренности!

– Кто же этот герой? – с уважением спросил Кэр. – Жив ли?

– Жив! Да ты его знаешь! – рассмеялся помощник Управителя. – Нынче он здесь правит!

Царь Фаргал!

– И за этот подвиг его избрали царем? – Уважение юноши к законам Карнагрии выросло втрое.

Хар-Руд расхохотался. Еще громче.

– Что я сказал смешного? – смутился юноша.

– За этот подвиг, как ты выразился, пойманного разбойника-эгерини из вонючей тюремной ямы перевели в келью, которую ныне занимаешь ты! Теперь понимаешь, сынок, насколько легче она досталась тебе?

– Все-таки он стал царем, – сказал Кэр. – Хотя... Мне он не понравился!

– Вот горе-то для Фаргала! Да, сынок, он стал царем. Но той кровью, что Фаргал пролил ради этого, можно наполнить небольшое озеро. Пойдем, парень! У тебя есть работа. И у меня – тоже. Хотя я бы с тобой поменялся!

– Да? – удивился юноша.

– А ты полагаешь, что проверять хозяйственные счета так весело?

– Хозяйственные счета? Что это?

– Вот видишь, сынок! Да, нам с тобой не махнуться. По крайней мере пока ты не научишься считать!

Кэр фыркнул.

– Воин пишет острием меча! – изрек он.

– Дурак! Велю Босу гонять тебя, пока не упадешь! Глядишь, сил не останется, чтоб повторять чужие глупости!

– Это не глупости! – оскорбился Кэр. – Так говорят воины клана Мечей! Так говорит мой отец!

– А скажи, – хитро прищурился Хар-Руд, – твой клан платит дань Императору Самери?

– Клан Мечей никому не платит! Хотя наши воины оказывают честь Императору, сражаясь за него!

– Ага, – сказал помощник Управителя. – Я знал кое-кого из самерийцев, не знаю уж, из твоего ли клана или нет, что «оказывают честь» царю Фаргалу – в рядах его наемников! Ладно, парень! Для своего возраста ты не так уж глуп! В пятнадцать лет я сам полагал, что довольно сильной и умелой руки, чтобы мир стал твоим!

– А разве – нет?

– В мире слишком много рук, пусть слабых и неумелых, но их достаточно, чтобы одна сильная рука не значила слишком много. Иное дело, если к сильной руке – неслабая голова! Бос сделает твою руку умелой, это точно! А вот сумею ли я вложить что-нибудь в твои мозги раньше, чем их смешают с этим песком? – Он кивнул в сторону Арены.

– Я понял тебя, наставник!

– Надеюсь! В чем-то и ты прав: сильная и умелая рука еще никому не вредила!

– Довольно! – сказал Бос, опуская шест. – Иди смочи глотку, ополоснись и марш обедать! Кэр взглянул на положение солнца.

– Еще не время! – сказал он.

– Придержи язык, ты, сопляк! – гаркнул Бос.

Но вспомнив, что у него не совсем обычный ученик, снизошел до объяснения:

– Этой ночью – полнолуние! А завтра – Игры! Потому обед и ужин – на два часа раньше. И после обеда – никаких занятий! Чтоб не портить удовольствие: как-никак кое для кого это последние обед и ужин!

Бос засмеялся.

– Зато, – продолжал он, – к ужину сюда набегит столько сучек, что на каждого придется по три! Это Гронир, Управитель, завел такой порядок! Раньше нанимали девок, а этот хоть и из Алых, а заткнет за пояс любого торгаша: сам берет грошики с карнагрийских бабенок! Да с разбором, не каждую к нашему брату пустит! А мы – не в обиде! – Он похлопал Кэра по спине. – Эти богатые шлюшки по своей части – круче иной уличной девки!

– А как же их мужчины? – спросил Кэр.

– Мужчины? – фыркнул Бос. – Разве это мужчины? Ха! Ублюдки! А сам ты, парень, как насчет этого дела?

– Думаю, да, – сказал Кэр. – Я один раз попробовал, мне понравилось. Но не было возможности повторить – сразу попал к вам, а тут, у вас, женщин нет!

– Не у вас, а у нас! Ты теперь хоть и сопляк, а все же – из нас, Потерявших Жизнь!

– Я – сын вождя клана! – гордо возразил юноша.

– А я – дочь царя Эгерина! Иди мойся! Я не намерен терять время из-за твоей болтовни!

Длинный стол пересекал из конца в конец темноватое помещение столовой. По обе стороны от стола – грубо сколоченные скамьи.

Гладиаторы по очереди подходили к раздаточному окну, получали по миске с мясной похлебкой и по круглой ржаной лепешке. Очередность строгая: первыми – лучшие бойцы,

последними – ученики. Раньше, когда еды было в обрез, последним доставалась лишь вода с горсткой овощей и следами жира. Но во время управления Гронира и Хар-Руда пищи стало вдоволь. Эгерини не экономил на мелочах, ему хватало того, что он зарабатывал на ставках.

За стол тоже садились по рангу: старшие – ближе к дверям. Где светлее. Споры были редки: все решалось не здесь – на Арене. Конфликты возникали только между учениками, но до крика или тем более до драки не доходило никогда. Боялись вмешательства старших.

Кэр занимал одно из последних мест. Ему было наплевать: смешно спорить из-за лучшего места у свиного корыта! Так полагал юноша. Дальше, чем самериец, сидел лишь один человек, уроженец Великондара, непонятно как попавший на Гладиаторский Двор. Этот – жив до первого выхода на Арену. Хар-Руд никому не позволял ходить в учениках больше полугода. Не выучился – расплатишься жизнью. Потому-то среди старых бойцов большинство – из бывших солдат: военнопленных, разбойников, наемников, согрешивших против Кодекса и проданных в рабство собственными соратниками.

Слева от Кэра сидел ученик совершенно другого типа. Захваченный соктами пират с Архипелага Табе. Этот – зверь. Месяца не пройдет, как Хар-Руд выпустит его на Арену. И поскольку на Двор он попал уже опытным бойцом, то, скорее всего, вернется живым. Новичков не принято выпускать в одиночку, а когда сражались отрядами, добивать проигравших не обязательно.

Да, табит был крепок. Но на Кэра смотрел с почтением: скажи тот слово – и бывший пират тут же поменяется с ним местами.

Однако сын вождя молчал. Он уже наметил себе место: рядом с Босом! Он займет это место... и сбежит! Потому что тогда Гладиаторский Двор больше ничего не сможет ему дать.

Дальше в будущее Кэр не заглядывал. Хотя то, что Хар-Руд поселил его в бывшей келье Фаргала, казалось юноше важным знаком.

После обеда, на котором одни были молчаливее обычного, а другие, наоборот, болтливы, как женщины на рынке, Потерявшие Жизнь толпой вывалили на площадь перед воротами. Там должно было произойти самое важное: объявление тех, кто завтра выйдет на Арену.

Спустя некоторое время из своего дома вышел Хар-Руд. Вышел, взглянул на часового на башне. Тот покачал головой. Помощник Управителя прошелся взад-вперед. В руке он держал свиток пергамента, на который многие бросали алчные взгляды. Хар-Руд был спокоен. На лице его застыла рассеянная улыбка.

Внезапно часовой на башне засвистел.

Помощник Управителя тотчас преобразился.

– Разбер-рись, демоны! – рявкнул он во всю мочь.

Гладиаторы мигом выстроились в длинную шеренгу, все сто двадцать шесть человек, не считая учеников, пристроившихся позади.

Ворота распахнулись, и во двор на крупном кауrom жеребце, неторопливо, важно, въехал Управитель Гладиаторского Двора Гронир.

Сам Управитель никогда не был гладиатором, но принадлежал к тем, кого обитатели Двора почитали более других: Алым.

В битве, сражаясь бок о бок с самим Фаргалом, Гронир потерял правую руку. Но – выжил. Фаргал тогда еще не был царем. Но первым полководцем Карнагрии – был. И, три года спустя, сев на Кедровый Трон, Фаргал одарил соратника Гронира синекурой – Гладиаторским Двором. Почет, деньги, власть – все, что ценил в жизни сотник Гронир, дал ему царь. Лишь об одном мог сожалеть Алый: сам Фаргал никогда не появлялся на Играх.

Левой, уцелевшей рукой Управитель принял от Хар-Руда свиток, кое-как развернул, прочел и кивнул, одобряя. Он никогда не оспаривал выбор своего помощника, но соблюдал порядок.

Хар-Руд принял свиток обратно, откашлялся:

– Первая пара: Кушога – Бос!

Названные сделали шаг вперед.

По линии выстроившихся гладиаторов пробежал ропот.

– Что? – рыкнул Хар-Руд. – Кто-то недоволен?

Ропот тотчас прекратился.

– Вторая пара: Шершень – Медведь!

На сей раз возмущенных не было.

– Третья пара: Гаргалон – Крючник! Цвета! Черные: Вепрь, Устул, Ордаш, Селезень, Мортяк, Вышка, Жеребец! Старший – Бос!

Гладиаторы опять загудели: по традиции лидером Черных должен стать победитель первой пары. Пусть Бос много сильнее, но Хар-Руд поступил несправедливо, «предопределив» исход схватки. Негоже лишать Кушога «улыбки Судьбы».

Глаза эгерини налились кровью: он обещал наказать Кушога за длинный язык – и накажет! И ему наплевать, что думают по этому поводу Потерявшие Жизнь!

Тяжелый недобрый взгляд помощника Управителя прошелся по шеренге, останавливаясь на каждом недовольном лице. И когда Хар-Руд закончил «осмотр», на площади вновь воцарилась тишина.

– Зеленые... – негромко произнес помощник Управителя и выдержал паузу: – Стикс, Бурелом, Волк, Морской, Крокодил, Бандаш, Хиу-Хи, Бортник! Старший... – еще одна пауза... – сами знаете кто!

Вздых разом вырвался из сотни мощных грудей. Половина неназванных вздохнула с облегчением. Вторая половина – наоборот. Абсурдно, но очень многие гладиаторы настолько были увлечены Ареной, что предложили им свободу – остались бы на Гладиаторском Дворе. Кстати, бывало, что предлагали. И – отказывались!

– Гуляй, парни! – бросил помощник Управителя. – Кэр! Иди сюда!

Юноша подошел. Снизу вверх спокойно посмотрел на Гронира.

Широкое, слегка оплывшее, недовольное лицо Управителя казалось сонным.

– Тот новый раб? – спросил он.

– Да, мой господин! – последовал ответ.

– Дерзок!

Хар-Руд усмехнулся:

– Не без того!

Ясно было: Кэра в обиду он не даст. Но его защиты и не потребуется. Гронир остался доволен.

– Если он будет так же дерзок на Арене...

– Будет! – уверенно сказал Хар-Руд.

– Тем лучше для него! – Маленькие глазки буравили сына вождя. – Сколько отдал?

– Полный золотой, мой господин!

«Господин» был формальностью. Хар-Руд и Гронир были давними приятелями. Их сближала общая страсть: Игра!

– Полный золотой? Не многовато за такого задохлика?

– Пусть это будет мой золотой! – живо предложил Хар-Руд. – Я... – он потянулся к всаднику, Гронир наклонился, – ...поставить в третью пару, сразу! – уловил Кэр обрывок фразы. – Сторицей...

Гронир распрямился.

– Вот как? – Он с сомнением еще раз оглядел юношу. – Нет! Впишешь в общий расход, скажем... на золотарей! – Он усмехнулся, став похожим на огромную жабу. – Пошли, что ли, к тебе? – И тяжело сполз на землю.

Хар-Руд помог: годы, проведенные в покое, сделали Управителя тучным.

– Отведи жеребца в конюшни! – приказал он самерийцу.

– А где они? – спросил юноша.

– Там, за воротами.– Хар-Руд махнул рукой.– Увидишь!

И оба, Управитель Гладиаторского Двора и его помощник, неторопливо двинулись к дому Хар-Руда.

Кэр поймал повод, погладил бархатную подвижную шкуру коня и повел его к воротам. Стража без звука пропустила его. Сын вождя оказался снаружи. Справа он увидел царские конюшни с золочеными головами лошадей, выглядывающими из стены над широким въездом. Слева – высокий дом из серого камня. Впереди – совершенно пустую в это жаркое время дня улицу.

Кэр снова оглядел жеребца. Некрупная голова, длинная холка, гибкая шея, короткая широкая спина, ступает мягко, грациозно, но чувствуется – горяч. Прекрасный конь! Если сын вождя сейчас прыгнет в седло – через полчаса будет у Западных ворот. И – прощай, Великондар!

Целую минуту юноша боролся с искушением. Но – справился. Сначала он должен научиться всему, что знают эти люди. Без этого ему вряд ли удастся вернуться домой.

Юноша погладил коня по шее, повел к конюшням.

Он не видел Хар-Руда, который наблюдал за ним со стенной башни. Когда Кэр повернул направо, эгерини показал оставшемуся внизу Грониру оттопыренный палец: выиграл!

Так сын вождя прошел еще одно испытание.

12

– Государь! Посол Императора Эгерина Скаэр Станар просит аудиенции Царя царей! Старший Советник Саконнин слегка поклонился и тут же выпрямился, ожидая указаний.
– Станар?

Фаргал улыбнулся, что с ним в Зале Приемов случалось нечасто.

– Император Эгерина рискнул прислать к нам этого волка?

– Благородный Скаэр Станар представил все необходимые грамоты!

Ни один мускул не дрогнул на лице Старшего Советника, хотя он назвал «благородным» человека, не знавшего имени собственного отца. Саконнин, чей род врос в историю Карнагрии на тысячелетнюю глубину, казалось, ощутил во рту горький вкус желчи. Но тронутое благородными морщинами лицо осталось бесстрастным. Оно напоминало слепок из серой глины, как лица каменных Императоров в Зале Царей. Напоминало не только холодной неподвижностью, но и чертами. В жилах Саконнина, пусть и разбавленная веками, текла царская кровь.

– Помню его! – произнес царь. – Кажется, – улыбка Фаргала стала шире, – он даже не чистокровный эгерини?

– Посол Императора Эгерина – наполовину кушога! – подтвердил Старший Советник.

«И тебе это прекрасно известно!» – добавил он мысленно.

– Было бы занятно, пошли его Хар-Азгаур не ко мне, а в Самери! – пошутил царь.

Старший Советник счел возможным слегка улыбнуться.

– Нынешний Император Эгерина не расположен к войнам! – сказал он.

– Увы! – притворно вздохнул Фаргал. – Даже в такое подходящее время, как сейчас: после мятежа, набега табитов и позорного для самерийцев рейда соплеменников благородного Станара только миролюбие Хар-Азгаура бережет южную границу Самери! Или, – царь лукаво взглянул на своего советника, – не только миролюбие? – И тут же махнул рукой: – Не придавай значения! Я просто фантазирую, мой благородный Саконнин! Передай послу: я жду его!

– Позволю себе заметить, государь, – осторожно возразил Старший Советник, – такое решение может быть не вполне верным! Разумней было бы предложить послу подождать. Так достойней для Карнагрии, государь!

– Понимаю, – кивнул Фаргал. – Но тем не менее вели ему явиться прямо сейчас. Достоинство Карнагрии я беру на себя!

– Слушаю, государь! – Старший Советник поклонился, но, вместо того чтобы самолично выйти к послу, подозвал одного из стражников и отдал соответствующий приказ.

«Выкрутился!» – одобрительно подумал Фаргал.

Посол Императора Эгерина вошел в зал стремительным шагом воина, далеко опередив свою свиту. И остановился, когда витой жезл церемониймейстера преградил ему путь.

Скаэр Станар был высок и худ. Но кость имел широкую, унаследованную от отца-кушога, одарившего дочь Эгерина столь энергичным отпрыском. А вот черты лица, цвет волос и большой рот с красными губами посол явно унаследовал от матери.

– Посол Повелителя Эгерина, Владыки обильных и многочисленных земель величайшего из великих Императора Хар-Азгаура благородный властитель Земель Струр и Казелин Скаэр Станар! – возгласил герольд-эгерини.

– Властитель Карнагрии, Император, Владыка Владык, Царь царей превосходный в могуществе государь Фаргал милостиво склоняет слух к Скаэру Станару, устам брата его Хар-Азгаура! – откликнулся карнагрийский герольд.

– О Фаргал! Царь царей! Восседающий на Кедровом Троне! – звучно провозгласил герольд гостя. – Милостивый! Самодержавный...

– Ты не находишь этот диалог непоэтичным? – спросил царь у «Опоры Трона», Старшего Советника Саконнина.

Лицо Советника было неподвижно, как голубой нефрит, коим было облицовано подножие трона.

– Государь, этим словам – двенадцать веков! – прошептал Саконнин.

– Именно поэтому я и нахожу их непоэтичными, – заметил Фаргал. – Самые лучшие слова за двенадцать веков станут безумно скучны, если их повторять по двадцать раз ежедневно! А эти к тому же – не самые лучшие!

– Если мы отступим от церемонии, это будет оскорбительно для Императора Эгерина! – напомнил царедворец.

Фаргал холодно улыбнулся.

– Император Эгерина не посмеет оскорбиться! – заявил он вполголоса. – Ты не хуже меня знаешь: Эгерин нынче – шакал у ног Льва Карнагрии! Но... – другим тоном: – Станар мне по сердцу! Так что дослушаем, потерпим!

Советник поджал губы. Он знал: Фаргал его поддразнивает. Советнику было больно оттого, что на Кедровом Троне – человек неблагородной крови. Человек, которому безразлична древняя возвышенная мощь Церемониала. Но еще Саконнин знал – Фаргал прав. Нынешний Эгерин – ничто рядом с Империей Фаргала. И именно потому, что одной правит государь с железной рукой и твердым сердцем, а второй – Хар-Азгаур, в ком кровь срока трех династий. Молодая кровь Фаргала питает поистине имперский дух. А благороднейший из благородных Император Эгерина – изнеженный болтун, любитель сладкоголосых мальчиков-певцов и изысканных кушаний. Потому для государя Карнагрии Хар-Азгаур намного ниже, чем сын пирата Скаэр Станар. Станар, что владыкой Казелина стал, приставив меч к горлу ее прежнего хозяина, благородного эгеринского аристократа. Под страхом смерти тот усыновил Станара и передал ему титул. А Землю Струр теперешний посол Эгерина захватил, ворвавшись со своими наемниками на землю соседа. Самого соседа сын пирата вздернул на подъемном мосту замка Струр. Якобы потому, что тот отказался от поединка с благородным Скаэром Станаром.

«Хвала Ашшуру, – подумал Саконнин, – Фаргал за подобное с любого из своих вассалов живьем содрал бы шкуру! Да приказал бы, как сказано в Законах, год возить набитое соломой чучело по главным дорогам страны. Чтоб неповадно было!»

А Император Эгерина выразил благородному Скаэру Станару порицание! Надо же! Порицание! Хотя, конечно, у Императора Хар-Азгаура нет ни Алых, ни преданных наемников! А все-таки хоть слаб Хар-Азгаур, но не дурак! Убрал хищного Владыку из страны. И умно убрал: послом к Фаргалу, чей кулак выбьет зубы из любой пасти. Любопытно, что Станар поехал. А мог бы отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. И продолжать пожирать земли одного благородного Владыки за другим, подбираясь к трону Самого. «А почему поехал? – подозрительно подумал Саконнин. – Ради почета? Или решил прицениться к трону Карнагрии – не велика ли корона Фаргалу? Не придется ли она впору полукровке-кушога? Может, Станар думает, что Фаргал подсадит его на эгеринский трон?» – Саконнин усмехнулся. Мысленно. Может, раньше у Станара и были какие-то шансы, теперь же – никаких! Царь царей Фаргал позаботится! Как бы он ни был расположен к послу Эгерина, но Хар-Азгаур на троне Эгерина для Карнагрии куда предпочтительнее хищного Станара!

Церемониальный обмен приветствиями закончился. Посол пересек Зал Приемов, остановился у подножия трона.

По его театрально-скорбному лицу Фаргал догадался: неприятности. Но – незначительные.

– Говори! – приказал царь.

– Мой Император выражает протест по поводу повышения приграничных сборов... – монотонным голосом произнес посол.

– Дальше!

– Благородный Владыка Лерии просит покарать Андасана, подданного Карнагрии, который...

– Покараю! Как только он снова окажется на земле Карнагрии! Или Император Хар-Азгаур изменил свое волеизъявление и позволит мне охотиться за преступниками на его земле?

Вопрос был риторическим. Фаргал и Скаэр обменялись понимающими взглядами.

– Дальше!

«Они оба относятся к императорской власти как к женщине, которую надо уложить в постель, – подумал Саконнин. – Это их объединяет! Но моей Карнагрии повезло – ей достался достойный муж, а не наглый любовник!»

– Благородный Нерваст Аккат просит соизволения на брак с подданной Императора Фаргала, наследницей Земель Фар!

– Согласен. Если земли благородного Акката отойдут под эгиду Карнагрии!

– Но...

– Дальше!

Посол улыбнулся.

До сих пор он с абсолютной точностью мог предугадать ответы Фаргала, но следующий вопрос...

– Вождь одного из горных кланов Самери Хардаларул обратился к своему государю, Императору Самери, с просьбой о содействии! А Император Самери, в свою очередь, обратился к моему государю! Сын вождя Хардаларула вместе с сопровождающим направлялись в Великондар. И не дали о себе знать в положенное время!

– Хардаларул? – переспросил Фаргал. – Ничего не слышал о нем! Почему два Императора занимаются делом какого-то сына вождя?

– Клан, возглавляемый им, очень уважаем в Самери. Особенно в нынешнее трудное время! Когда вождь Хардаларул просит, – на лице посла появилась двусмысленная улыбка, – ему трудно отказать!

– Чем же сопровождает просьбу этот вождь? – с усмешкой осведомился Фаргал. – Посулами или угрозами?

– Ничем. Только – просьба о содействии!

«Он явно знает что-то еще, – подумал Саконнин. – Но не скажет, сын змеи и шакала!»

– Саконнин, – негромко спросил Фаргал, – какие у нас дела с Самери? Текущие дела?

– Никаких, мой государь! Но среди наших наемников – немало самерийцев! Кайр, начальник тысячи, ты должен помнить его, государь.

– Конечно, я его помню!

Еще бы Фаргалу не помнить воина, которого он сам некогда привел на службу Карнагии еще в те времена, когда Императором страны был Йорганкеш. Конечно, он знал Кайра-Косогубого, хотя в последние, мирные годы редко виделся со своим тысячником.

Фаргал почувствовал нечто вроде укола совести, что обычно случается с Императорами крайне редко.

«Вот повод вызвать Кайра во дворец, – подумал Фаргал. – Возможно, ему будет приятно помочь своему соплеменнику...»

Фаргал повернулся к послу.

– Прошу передать Императору Эгерина, – сказал он громко, – что я ничем не могу содействовать!

– Может быть, – осторожно предположил посол, – вождю Хардаларулу имеет смысл прямо обратиться к Царю царей?

– Может быть!

И оба снова обменялись понимающими взглядами.

– Дальше!

– Посол Императора Эгерина благородный Скаэр Станар приглашает Царя царей Фаргала отобедать у него! И...– посол ухмыльнулся,– обещает, что царю Карнагрии не будет скучно! Посол будет также рад принять прославленного вождя и Друга Царя Люга! А также всех, кого Император считает своими друзьями!

«Браво, Скаэр Станар! – Саконнин мысленно хлопнул в ладоши.– Пригласи он одного царя, наверняка получил бы отказ! Или – нет? Фаргал любопытен».

– Благодарю,– сдержанно произнес царь.

Обдумав предложение, он кивнул:

– Мы придем. Но не сегодня и не завтра. Прими ответное приглашение на третий день полнолуния, после окончания Игр. Не хочу лишать тебя зрелища.

– Милость Императора Карнагрии мне дороже любого зрелища! – ответил Станар и поклонился.– Благодарю тебя, о царь!

И спиной, пятясь, отступил к выходу. Только за дверьми Станар надел на голову золоченый шлем, который держал в руке, и, очень довольный собой, отправился в предоставленные ему покои.

Посол Эгерина покинул Зал Приемов, не дожидаясь разрешения царя, но Фаргал не стал придавать этому значения. Он симпатизировал Станару. Ведь и сам он взошел на самый верх лишь благодаря собственной храбрости.

Когда, много лет назад, повинуясь высшей воле, Фаргал переправился через реку Карн и оказался в своей нынешней Империи, никто не стелил ковров ему под ноги. Наоборот, Фаргал тут же оказался в тюрьме приграничного города Нурты, столицы Земли Карн-Апаласар. Да не просто так, а по личному распоряжению Владыки Земли Аракдени, троюродного брата Императора Аккарафа. Недобрый советчик нашептал Аракдени арестовать молодого эгерини. Недобрый к самому Аракдени, Фаргал сбежал из тюрьмы, проник в замок Владыки и отправил Аракдени в страну Мертвых. Свершив же сей «подвиг», юноша ушел в горы, сколотил шайку из дюжины отпетых негодяев и несколько лет держал в страхе всех Владык земель на правом берегу Карна.

Став царем, Фаргал с наслаждением вспоминал о былой разбойничьей свободе. Но его собственные рассказы не шли в сравнение с балладами, которые слагали о царе-разбойнике певцы, черпавшие из источника его жизни.

Однако в самой жизни все было менее поэтично. Кончилось тем, что рассвирепевший Аккараф послал против Фаргала целую армию. И, через два года отчаянной борьбы, Фаргал был захвачен живым. Не мечом и силой, а золотом и предательством.

Но переменчивая Судьба вместо смерти подарила Фаргалу Кедровый Трон...

– Каков, а? – улыбнулся Владыка Карнагрии, поворачиваясь к Саконнину.

И, став серьезным:

– Прикажи начальнику стражи Совета, нет, лучше прямо Шотару: пусть установят полное наблюдение за благородным послом Эгерина. Не знаю, удастся ли мне его приручить.

К сожалению, размышляя о Скаэре Станаре, Фаргал позабыл о том, что намеревался послать за тысячником Кайром-Косогубым. И не вспомнил, что тот – тоже из клана Мечей.

Так Император Карнагрии в очередной раз случайно дотронулся до сплетаемой вокруг него паутины – и опять ничего не предпринял. Воистину, годы мирной жизни притупили его чутье.

13

Два всадника выехали на поросший клевером пригорок с одинокой старой сосной справа от тропы. Отсюда, сверху, открывался вид на излучину Великона и желтую полосу дороги, широкой петлей огибающую пойму. Примерно в шестидесяти милях на северо-восток располагался Великондар. Если бы воздух был прозрачней, всадники увидели бы стены столицы Карнагрии: местность до самого побережья океана уходила вниз огромным живым ковром возделанных земель.

– Дальше поедешь сам! – произнес один из всадников, несмотря на жару по глаза закутавшийся в плащ.

– Я предпочел бы сопровождать тебя, господин! – проворчал второй всадник.

Этот не прятал лица: любой карнит, которому прежде был знаком Карашшер, без труда узнал бы воина. Но скорее всего принял бы всадника за сына или внука своего прежнего знакомого.

– Поедешь один! – приказал маг. – Даже отсюда я чувствую слуг Яго там, в Великондаре! Значит, и они могут учуять меня! Здесь слаба власть Мудрого Аша, и даже мне не по силам укрыть себя, пока не поднимется мощь Ирзаи.

Нельзя сказать, что слова мага успокоили его слугу. Наоборот, то, что жрец снизошел до объяснений, говорило о ждущей впереди опасности. Интересно, что за дело предстоит Карашшеру в Великондаре?

– А меня они не почуют? – подозрительно спросил воин.

– Ты – ничто! – отвечал маг. – На тебе нет знака нашего бога! – И, после паузы: – Только мой знак на тебе, Карашшер! И не забывай об этом!

– Забудешь тут... – буркнул воин. – Ладно! Полдень уже. Может, перекусим?

И, не дожидаясь разрешения, повернул коня в тень сосны.

– Поешь, – согласился маг. – Пока я буду говорить о том, что тебя ждет!

– И отобьешь мне весь аппетит! – проворчал Карашшер.

Но – очень тихо. Слух у мага – превосходный, а настроения его известны только Мудрому Змею Ашу. Зато Карашшер отлично знал, как скор чародей на расправу.

С обедом воин не спешил. Сначала он расседлал и стреножил жеребца (он проделал бы это и с конем мага, но тот отрицательно качнул головой). Потом так же не спеша расстегнул переметные сумы и вынул пищу и вино.

Когда-то, лет сто назад, Карашшер не стал бы тянуть время. Если впереди ждала опасность – он предпочитал узнать о ней немедленно. И немедленно выйти ей навстречу. Победить или умереть. Теперь же, вместо неизбежной для такого, как он, смерти в бою, перед Карашшером простиралась Вечность. И воин стал куда бережнее относиться к собственной жизни. Карашшер стал скуп на проявления храбрости. Хотя и знал, что теперь никакая рана не делает его калекой.

Маг, усевшись на снятое с жеребца седло, наблюдал за своим слугой. Он читал мысли воина, как собственноручно написанную книгу. И знал, что Карашшер – лучшее из орудий, созданных магом за века его службы Мудрому Ашу. Иллюзия же некоторой свободы, оставленная воину, лишь укрепляла повиновение. Надо признать, что и сам маг испытывал нечто вроде привязанности к Карашшеру. Примерно так же охотник относится к собственноручно вышколенной гончей. Примерно так же маг относился ко всем своим созданиям: и тем, кого породила его магия, и тем, кого породил он сам, кто нес в себе частицу его собственной плоти и крови. Таким, как те, кого маг сделал главными фигурами в нынешней Игре. Все они были связаны с магом, но это была обусловленная привязанность, а не чувство. Настоящие чувства: любовь, веру, преданность – жрец Аша испытывал только к своему божеству, Мудрому богу.

– Суть такова...– Маг откинул капюшон и явил миру бледное лицо в обрамлении светлых, волнами спадающих волос.– Вот это...– он вынул из кошель темно-коричневое яйцо размером с кулак,– ты должен завтра тайно зарыть на западной окраине Венчальной Рощи, той, что неподалеку от Великондара. Ты знаешь это место?

Карашшер кивнул, маг спрятал яйцо обратно в кошель и бросил к ногам своего слуги. Тот спрятал яйцо в сумку.

– Это все? – не скрывая облегчения, спросил он. Задание, похоже, пустяковое.

– Нет. Затем ты должен убить пророчицу Венчальной Рощи по имени Метлик. И сделать это в первую стражу после полуночи через три ночи от ближайшей.

Карашшер поперхнулся.

– Убить пророчицу? Да меня же будет искать вся стража Великондара и вдобавок к ней тысячи оскорбленных карнагрийцев! Ты уверен, господин, что я могу сделать такое и остаться в живых?

– Уверен!

Луч солнца, пробившийся сквозь хвою, упал на камень, вправленный в диадему мага, и камень потемнел, словно закрылся глаз.

– Первое,– продолжал жрец Аша.– В Венчальной Роще не одна, а пятьдесят девять пророчиц. Второе: каждую из них охраняет вооруженный страж. Правда,– тонкие губы мага изобразили что-то похожее на улыбку,– охраняют их от оружия иного рода, чем сталь. Но этого достаточно, чтобы я запретил тебе убивать ее собственноручно!

– Один стражник? – Карашшер пренебрежительно хмыкнул.

– Пятьдесят девять стражников! – напомнил маг.– Если возникнет хоть один подозрительный звук. Правда, именно в указанное мною время пророчица покинет святилище, а ночью в роще не толкуются толпы паломников, как это бывает днем. Но я хочу, чтобы убийство не привлекло лишнего внимания. Поэтому убивать будут другие. Ты договоришься с ними и доплатишь за то, чтобы смерть пророчицы не вызвала большого шума.

– В Великондаре сейчас трудно найти хорошего наемного убийцу! – возразил Карашшер.– Император Фаргал крепко взял за яйца «ночную армию»! Не удивлюсь, если потребуется не один месяц, чтобы отыскать в столице подходящего человека!

– Да,– сказал маг, и тень скользнула по его лицу.– Фаргал – великий государь.

И замолк, погрузившись в собственные мысли.

– Если ты так его ценишь,– Карашшер, крайне заинтересованный, рискнул нарушить тишину,– то зачем же тогда мы...

– Молчи!

Окрик и холодный взгляд мага заставили Карашшера содрогнуться.

– Ничтожные прислужники Яго сбили его с пути! – произнес жрец, успокаиваясь.

– Если этот бог Яго так ничтожен,– руки Карашшера дрожали, но желание докопаться до движущих помыслов мага было сильнее,– почему Аш не разделался с ним? Почему вы, жрецы Мудрого, отступаете перед соктами?

– Яго велик! – строго сказал маг.– Не менее велик, чем сам Аш! Некогда он и Мудрый были единым целым. Пока жадность двух богинь не разорвала Единое пополам. Яго велик – ничтожны жрецы-сокты. Я мог бы испепелить многих из них прямо сейчас. Но я – не сокт. Я живу будущим, а не сиюминутным. Яго велик, и сейчас его время. Но придет время Аша! И преданные будут вознаграждены сполна, а предавшие наказаны. В особенности отступники в Самери, если не успеют одуматься под гнетом уже павшего на них наказания!

– Похоже, под гнетом наказания самерийцы еще больше сближаются с соктами! – заметил Карашшер, снова принимаясь за еду.

– Мудрый не спешит,– сказал маг.– Мы испытываем их. Аш желает научить своих детей, а не уничтожить!

– Слишком сложно для моего ума! – проговорил Карашшер и глотнул из бурдючка с вином. – Однако я вижу, что сокты потеснили нас далеко на север!

– Их время, – ответил маг. – Их сила. Но она уйдет. И уйдет скоро, теперь, когда я разбудил Ирзаи. Уж не думаешь ли ты, что я нарушил покой древней богини, чтобы сокрушить человека?

– Сокты, – возразил Карашшер, – изгнали наших еще пятнадцать лет назад. Сокты и Фаргал, которого ты так ценишь. Ты – единственный в Карнагрии жрец Мудрого – не осмеливаешься подойти к Великондару ближе чем на полсотни миль!

Маг спокойно принял дерзость слуги. Он понимал: воин хочет, чтобы хозяин развеял его страхи.

– Я не один! – холодно заявил он. – Мои создания обитают совсем рядом с Фаргалом. И у меня всегда было довольно возможностей, чтобы отнять его жизнь.

– Тогда почему он жив? – удивился воин.

– Не твое дело! – отрезал жрец.

Карашшер чувствовал, что подбирается к чему-то важному, но дальше спрашивать не рискнул. Его хозяин заговорил сам.

– Очень скоро... – сказал маг, и глаза его вспыхнули. – Очень скоро я отторгну негодное дитя!

– Какое дитя? – спросил Карашшер.

Жрец метнул взгляд на своего слугу.

– Забудь! – приказал маг и стер свою последнюю фразу из его памяти, так же, как уже не однажды убирал из нее то, что полагал лишним. – Ты поедешь в Великондар! – произнес жрец, возвращаясь к прежней теме. – И найдешь в южном предместье постоялый двор «Тихая Радость»!

– Знаю его! – обрадованно воскликнул Карашшер. – Был там лет пятнадцать назад. Чудное местечко, где глаза хозяина видят только деньги, а уши слышат лишь шкворчание мяса на вертеле. Ни нюхачей Совета, ни проворных рук, обшаривающих чужие сумы!

– Так было, – сказал маг. – Но многое изменилось в Великондаре, как ты знаешь. Многое изменилось и в «Тихой Радости»! Теперь там другой хозяин. Его зовут Мормад. Соглядатаи Совета прижали его на прежнем месте, и купленная стража больше не могла его защищать. Мормад сменил логово, и теперь в «Тихой Радости» лучше не звенеть золотом и не оставлять на виду сумы с ценным содержимым. Чтобы они не исчезли вместе с законным хозяином. Мормад, Карашшер, это тот, кто тебе нужен. Ты найдешь его (перед мысленным взором воина возникло лицо того, о ком шла речь) и поручишь ему убить пророчицу. Мормад умен. Но ты сумеешь с ним управиться. Поел?

– Да, – ответил воин и начал укладывать остатки провизии.

– Тогда отправляйся. После того как дело будет закончено, останешься в «Тихой Радости» и будешь наблюдать.

– За кем?

– Увидишь. Живи там, пока не получишь моего знака. Тогда немедленно уезжай из столицы. Через три дня после этого я буду ждать тебя в условленном месте.

Маг легко поднялся, подозвал коня, и через минуту Карашшер остался в одиночестве.

Воин забросил седло на спину жеребца, затянул подпругу. При этом Карашшер чувствовал себя куда спокойней, чем получасом раньше. Он даже принялся насвистывать. Дело с убийством пророчицы как бы отошло на второй план. Великондар – великий город. Там можно совсем неплохо провести время.

Жрец Аша умело управлял своими орудиями.

14

– Игры всегда начинаем мы! – сказал Хар-Руд.

Они с Кэром стояли в первом ряду, у самого выхода на арену, где кончалась решетка.

– Бос! – закричал глашатай. – Два меча!

Высокий гладиатор выбежал на залитый солнцем белый песок и вскинул клинки над головой.

Тысячи людей разразились восторженными воплями.

По-бычьи замычали трубы.

– Против – Кушога! – воскликнул глашатай. – Копье, щит!

Соперника Боса приветствовали с меньшим энтузиазмом.

Снова захрипели трубы. Зрители оживились. Между рядами забегали какие-то люди.

– Неужели найдется дурак, что поставит против Боса? – поинтересовались за спиной Кэра.

– Дурак всегда найдется! – отозвался другой голос. – Особенно когда за медь можно получить серебро!

Противники стояли рядом на Арене, мирно беседовали. Глашатай явно не торопился объявлять начало схватки.

Кэр слышал, как засмеялся Кушога.

Наконец ударил барабан. Гладиаторы разошлись. Кушога опустил шлем, закрывая лицо. На нем была кольчуга почти до колен и сверкающие полированные поножи. В правой руке, до локтя защищенной железной перчаткой, – ростовое копье с длинным наконечником. В левой – маленький круглый щит с шишом.

Бос был обнажен до пояса, на голове – круглый открытый шлем. В руках – легкие изогнутые мечи.

И тот и другой были обуты в короткие сапоги из мягкой кожи, обшитые железными бляшками.

Снова ударил барабан, и противники двинулись навстречу друг другу.

Кушога первым нанес удар. Его копье метнулось к незащищенному лицу Боса. Тот лениво отмахнулся. Клинок звякнул о треугольный наконечник копья.

Кушога снова выбросил руку с копьем. Его соперник легко отвел острие, взмахнул мечом. Кушога отпрянул.

Некоторое время оба ходили по кругу, приглядываясь, выжидая. Толпа возмущенно загудела: зрителям нужна кровь!

– И чего тянет? – пробурчал кто-то за спиной Кэра.

Кушога сделал третий выпад. Бос отклонился в сторону, изогнутый меч снизу полоснул по древку и перерубил его пополам. А второй меч зацепил подбородочный ремень – и шлем Кушога, звеня, покатился по Арене.

Зрители взвыли. Кушога вскинул обрубок копья, но меч в правой руке Боса упал слева. Кушога успел принять его на щит, шагнул вперед... и второй меч обрушился на его незащищенную голову. Кушога рухнул на песок.

Бос повернулся к зрительским рядам.

– Чего он ждет? – спросил Кэр.

– Если ублюдки не подарят поверженному жизнь, победитель должен его добить! – напряженно проговорил Хар-Руд.

– Разве он жив? – удивился Кэр.

Он отлично видел, как меч Боса разрубил голову Кушога.

– Жив.

Толпа безмолвствовала. Но молчание было густым, как смола.

Бос медленно повернулся к лежащему, перехватил меч и резким движением воткнул его в грудь Кушога.

Толпа вскрикнула так, словно в каждого зрителя всадили меч.

Клинок пробил кольчугу как раз напротив сердца побежденного. Бос резко выдернул окровавленный меч и поднял над головой. Зрители разразились радостными воплями.

– Я знал, что он сумеет вытащить дружка! – проворчал Хар-Руд.

Кэр, не понимая, посмотрел на помощника Управителя.

Четверо Потерявших Жизнь, из тех, что не участвовали в Играх, стремглав ринулись на Арену, подхватили тело Кушога и бегом понесли к выходу. Из разрубленной головы гладиатора капала кровь, оставляя алый пунктир на белом песке.

Четверка пронеслась мимо сына вождя. Он услышал их тяжелое дыхание. Остальные гладиаторы поспешно расступались, давая дорогу.

– Куда его? – спросил Кэр.

– К лекарю! – ответил Хар-Руд и отвернулся, потому что к нему подошел Бос.

Лицо гладиатора было бледно, несмотря на загар.

– Молодец! – Помощник Управителя осторожно похлопал Боса по обнаженному плечу. – Ты сделал больше, чем мог!

Гладиатор неуверенно улыбнулся и пошел прочь.

– Наставник!

Кэр коснулся мускулистой руки Хар-Руда.

– Ты сказал: к лекарю! Разве Кушога жив?

– Бос срезал ему кусок скальпа и оцарапал бок! – сказал помощник Управителя. – Ты что, не видел, как он повернул меч, когда пробивал кольчугу?

Гладиатор по прозвищу Бей-Брат подошел к ним.

– Порядок! – сообщил он.

– Главное, – сказал Хар-Руд, – вовремя остановить кровь. Ублюдки любят кровь. Когда они видят много крови, их тупые головы окончательно перестают соображать! Бос сделал все, как надо.

– Спасибо тебе и Грониру, – сказал Бей-Брат, все еще стоящий рядом. – Раньше побежденных прижигали железом, чтобы узнать, мертвы ли они по-настоящему, – пояснил он Кэру.

– Ублюдкам нужна кровь! – отмахнулся Хар-Руд. – Побольше крови – и они довольны. Бос словчил, но кто это увидел, а? А если и увидел – пусть докажет!

– А что теперь будет с Кушога? – спросил Кэр.

– По закону он – труп! – сказал Хар-Руд. – Может убираться хоть в преисподнюю! А может сменить кличку и снова выйти на Арену месяца через четыре! Не такой он крутой боец, чтобы кто-то запомнил его лицо! Вот этого – он ткнул в подошедшего к решетке Боса, – запомнят! Ну, ты доволен?

– А ты? – спросил гладиатор.

– Я-то знал, что ты вывернешься!

– Еще бы! – Бос ухмыльнулся. – Он должен мне целую мерку серебра! Как же я мог его прикончить?

Рабы заменили окровавленный песок на Арене свежим.

Глашатай объявил следующую пару.

– Бос – мастер! – сказал Хар-Руд, когда длиннорукий гладиатор отошел. – Сам Фаргал не сделал бы лучше! Учись у него, парень!

– А ты, – спросил Кэр. – Ты – сумел бы?

– Я? Пять лет назад я был сильнее Боса. Но и тогда подобное было мне не по зубам. Запомни: убить всегда легче, чем оставить в живых!

Вторая пара медленно сближалась.

Оба – мощные, широкоплечие. Но Медведь – воистину великан. Огромная двойная секира в его руках казалась легкой, как тростинка. Рыжая густая борода выбивалась из-под рогатого шлема. Шершень был вооружен длинным, окованным железом, двужальным копьем. Один наконечник – прямой, широкий, второй – отходящий в сторону остро отточенный серп.

Медведь взмахнул секирой – и стальная цепь в локоть длиной, шедшая от рукояти лабриса к запястью левой руки гладиатора, загремела, как десяток кандалников.

Шершень ударил копьем. Пока – только угрожая. Медведь хакнул, выбросил секиру вперед и вдруг завертел ею над головой, заставив противника отшатнуться.

Шершень попятился, а Медведь надвинулся на него. Огромный лабрис с шумом разрезал воздух. Шершень отступил почти до самой решетки. Казалось, сейчас он упрется спиной и – конец. Но, когда осталось всего несколько шагов до края Арены, Шершень с удивительным для такой громадины проворством прыгнул вперед, пригнул голову (секира просвистела, едва не срубив маковку шлема) и ткнул острием, больше похожим на короткий меч, чем на наверхие копия, прямо в грудь противника.

Возможности уклониться или отбить удар лабрисом у Медведя не было. Потому он попросту вмазал по наверхию копия огромным кулачищем в железной рукавице. Удар был так силен, что отклонил оружие в сторону, и оно, пропоров нагрудник, лишь слегка задело левый бок гладиатора.

Шершень метнулся в сторону, уходя от летящего топора. Теперь они поменялись местами, и у Шершеня снова появилась возможность отступать через всю Арену. Он сделал вид, что собирается следовать прежней тактике, но, когда Медведь, рыча, надвинулся, Шершень бросил копье вперед, попытавшись при обратном его движении подрезать Медведю жилы на ногах серповидным лезвием. Не вышло.

Кэр жадно следил за поединком. И вдруг поймал себя на мысли, что заранее знает, кто победит в этой схватке.

Шершень воткнул копье длинным острием в песок, перепрыгнул через древко и обратным, окованным бронзой концом оружия парировал руку Медведя, сжимавшую секиру. Тот потерял равновесие, отшатнулся назад, попытался цепью поймать копье. Шершень упал на колено, выдернул наконечник из песка, крутнул копье над головой. И серповидный наконечник воткнулся в ногу Медведя.

Шершень рванул копье на себя. Но его противник, выпустив повисшую на цепи секиру, успел схватить древко копия и выдернуть наконечник из раны раньше, чем лезвие разорвало мышцу.

Шершень, даже не пытаясь вырвать свое оружие из руки Медведя, отпустил копье, откатился в сторону и...

Двойная секира, к длине рукояти которой прибавилась длина цепи, взвилась в воздух и догнала его.

Изогнутое лезвие разрубило наплечник и на глубину локтя погрузилось в человеческое тело. Добивать Шершня не было нужды.

Медведь, не обращая никакого внимания на вопли зрителей, повернулся и, зажав ладонью рану на бедре, похромал в сторону ворот.

– А я-то надеялся, Медведь возглавит нашу партию! – разочарованно проговорил Стикс, гладиатор из западных карнитов.

Помощник Управителя посмотрел на Кэра.

– Иди-ка поищи Боса! – велел он. – Пусть сам подберет старшего для партии Зеленых!

Юноша рассчитывал посмотреть третью схватку, но спорить с Хар-Рудом не стоило.

Разочарованный, он отправился в помещение для раненых. Кэр рассчитывал найти Боса рядом с Кушога.

Но Боса там не было. Маленький лекарь накладывал повязку на раненую ногу Медведя. Бедро гладиатора было толще, чем туловище лекаря.

– Бос? – спросил юноша.

– Поищи у клеток! – пробасил Медведь. – Я видел, он отправился туда!

И верно, самериец нашел его там, в полном одиночестве, если не считать десятка хищных зверей в клетках. Гладиатор развлекался метанием ножа в деревянную стенку клетки с грязным рассерженным львом.

Каждый раз, когда нож звонко ударял в дощатую перегородку, хищник злобно рычал. И норовил ухватить Боса лапой, когда тот извлекал из дерева нож.

Гладиатор рычал в ответ. Очень похоже.

Кэр обратил внимание на то, что все отметины, оставленные ножом, можно накрыть ладонью.

– Хар-Руд просил тебя подобрать старшего для партии Зеленых! – сказал юноша.

– Что? – удивился гладиатор. – Неужели Медведь не завалил Шершеня?

– Он его убил, – сказал Кэр. – Но сам ранен.

– Сильно? – Тяжелый клинок звонко ударил в сухое дерево. – Сильно ранен?

– Шершень проткнул ему бедро. И что-то с левым боком! Можешь спросить у лекаря.

– Ушел сам? – Бос выдернул нож, ловко увернувшись от широкой лапы с выпущенными когтями.

– Сам!

– Тогда будет драться! – уверенно заявил эгерини.

«Бум!» – нож глубоко вошел в доску.

– Готов спорить на шесть монет!

Кэр пожал плечами:

– У меня нет денег!

– Могу занять!

– Не надо!

Бос выдернул нож, сунул его в чехол, похлопал юношу по плечу:

– Ладно! Пойдем взглянем, как Гаргалон метелит Крючника...

Они поспели к самому окончанию схватки.

Победил, вопреки прогнозу, Крючник. Гаргалона с разрубленной грудью унесли с Арены. Рабы быстро засыпали кровь свежим песком.

Появился, прихрамывая, Медведь.

Хар-Руд с сомнением посмотрел на него.

– Даже и не думай! – предостерег гладиатор.

Бос подмигнул Кэру.

– А твоя нога? – спросил помощник Управителя.

– Пустое! На ладонь вошло, не более! Что ж мне теперь, и вина не пить?

– Твое дело, – уступил Хар-Руд. – Иди. Одевайся.

По традиции первыми на Арену выходили Черные. Их вел Бос, сменивший один из мечей на окованный медью треугольный щит. За Босом, парами, сокты – Вепрь и Устул, широкие, низкорослые, вооруженные кривыми мечами. Потом – Ордаш, Селезень, черный как ночь Мор-тяк с железной булавой, Вышка – с топором на цепи, вроде того, каким сражался Медведь, только полегче. Жеребец, прозванный так за гриву черных волос и крупные выступающие зубы, замыкал группу.

Зеленые вышли минуту спустя. Появление Медведя толпа приветствовала одобрительными свистками. Мало кто ожидал еще раз увидеть его на Арене в эти Игры. Ставки на Зеленых тут же подпрыгнули. Медведь сменил секиру на копье, называемое карнитским: тяжелое, с таким длинным и широким наконечником, что сгодились бы и для клинка меча. Стальной

шлем с орлиными крыльями и личиной, имитирующей морду медведя, закрывал голову и короткую толстую шею.

По традиции Зеленых считали «карнами», вооружали копьями и длинными щитами, какие до сих пор использовала имперская пехота, называвшаяся, кстати, Черной. На самом же деле гладиаторы, и Зеленые, и Черные, уже без малого пять веков были выходцами из самых разных народов и племен. Только оружие и оставалось неизменным.

Грохнул барабан. Оба отряда построились друг против друга. Новый сигнал – и бойцы схватились. Зеленым дольше удавалось сохранять строй, и поначалу перевес был на их стороне: четверо Черных получили легкие ранения, а Селезень был насквозь продырявлен копьем Бортника. Впрочем, Бос тут же сравнял счет: Бортник рухнул с разрубленным шлемом, едва успев высвободить оружие. И Бос, и Медведь пока старались держаться позади, прикрывая того из бойцов, кому в данный момент грозила наибольшая опасность. Босу такая пассивность давалась легче, чем Медведю. Потому, когда строй Зеленых наконец распался, могучий гладиатор рванулся вперед и врубился в самую гущу противника. Своим тяжеленным копьем он орудовал с потрясающей легкостью, используя его не только для колющих, но и для рубящих ударов – как секиру.

За какие-нибудь пять минут он ухитрился вывести из строя троих Черных: Вепря, упавшего с раздробленным коленом, Жеребца, оглушенного ударом древка, и Ордаша: сбив с ног, Медведь прижал к его горлу острие копья и вынудил сдаться.

Из Зеленых же один Бурелом, получив раны в обе руки, вышел из боя.

Медведь, Волк, Морской, Крокодил, Бандаш и Хиу-Хи оказались вшестером против Устула, Вышки и Боса. Правда, к ним присоединился и Жеребец, успевший оправиться после удара Медведя.

Медведь теснил Вышку, Устул схватился с Волком, а Морской, Крокодил и Бандаш взяли в оборот Боса. Но тот не зря считался лучшим из Потерявших Жизнь. Вихрем он метался по Арене, ускользая от ударов копий. И трем его противникам никак не удавалось окружить длиннорукого мечника. Будь у них сети вместо щитов, Босу пришлось бы тяжелей. Но копье и щит, чьи преимущества несомненны, когда воины стоят плечом к плечу, не слишком удобны, если приходится гоняться за подвижным противником. Да еще то и дело натываясь на собственных товарищей. И боевой пыл Зеленых, подогреваемый численным преимуществом, поугас.

Бос именно этого и добивался. Выждав, когда спадет азарт, он абсолютно точно угадал момент и перешел в атаку.

Прыжок – и он очутился между Маской и Бандашом. Край его щита ударил в подбородок Маски, а Бандаш упал, обливаясь кровью: перехватив рукоять меча, обратным движением Бос перерезал ему глотку.

Крокодил храбро бросился вперед, но противник, присев, обрубил наконечник его копья. И коснулся лезвием незащищенного горла. Гладиатор, в двух шагах от которого лежал Бандаш, чья глотка была перерезана до позвоночника, поспешно уронил щит. Сдаюсь!

Бос бросил взгляд на Жеребца: Хиу-Хи напал, но Черный оборонялся вполне успешно. И Вышка держался неплохо. Медведь был сильнее, но рана на ноге начала сказываться (даже нечеловеческая выносливость Медведя имела границы), и Черному удавалось уклоняться от сокрушительных ударов и даже изрядно помять доспехи противника.

В этот момент Устул, уловив момент, проткнул плечо Волка и тут же обрушил свой кривой меч на голову раненого. Шлем Волка развалился пополам, и клинок Устула раскроил Зеленому череп.

Устул, почти такой же выносливый, как предводитель Зеленых, не стал переводить дух. Он быстро огляделся и решил что делать. Крадучись, подобрался сзади к Медведю, полностью занятому Вышкой, и, присев, быстрым взмахом меча подсек Медведю ноги.

Удар был подлый, но не запрещенный правилами.

Фактически последний удар в этой схватке. Медведь рухнул на песок, а Хиу-Хи, оставшись в одиночестве, тут же бросил щит.

Черные победили.

Пока Бос, Устул, Вышка и Жеребец принимали почести, раненых и убитых унесли с Арены. Раненых тотчас передали в руки трем лучшим лекарям Великондара. Жизнь гладиатора, хотя и называлась потерянной, ценилась высоко: далеко не каждого можно научить мастерству Арены. А попробуй кто из Императоров запретить Игры! И дня ему не усидеть после этого на Кедровом Троне.

Четверо победителей вразброд двинулись к выходу.

Мимо Кэра.

Юноша, с восторгом следивший за схваткой, больше всего восхищался Медведем. Именно Медведь проявил настоящее мужество. Сын вождя справедливо считал: не будь великан ранен, итог схватки мог быть иным. Удар же Устула, искалечивший гладиатора, юноша счел не достойным воина. А когда сын вождя клана Мечей полагает что-то недостойным, он не станет это скрывать. Он не оскорбился, когда кулак Устула швырнул его наземь, – то было честно. Но действовать сзади в схватке, где существуют правила? Нет!

Кэр еще слишком мало прожил на Гладиаторском Дворе и вообще в Великондаре, чтобы научиться держать язык за зубами.

Он решительно преградил дорогу Устулу.

– Ты не воин! Ты – гиена! – процедил он.

Сокт, вполне довольный собой, был погружен в собственные мысли и даже не расслышал сказанного.

– В чем дело, паренек? – снисходительно бросил он, замедлив шаг.

– Гиена, – медленно, сквозь зубы выговорил Кэр, – нападает сзади! Потому что боится клыков!

Сокт понял не сразу, что имеется в виду. Хотя намек был прозрачен, как фетское стекло. А когда понял, глаза его налились кровью. Сокт сжал кулаки... но, в отличие от юноши, всегда помнил, где и когда можно сводить счеты.

«Много чести для сопляка, – подумал он, – если я, Устул, *победитель*, расквашу ему физиономию».

И сокт разжал кулаки. Сегодня он – первый. Удар, который Устул полагал доблестным, решил исход схватки!

– Ты, щенок! – рявкнул он. – Заткни пасть и прочь с моей дороги!

Оттолкнув Кэра, он зашагал дальше.

– Вернись, трусливый ублюдок!

Слова сами вырвались из горла юноши. Он буквально трясся от ненависти.

Устул стремительно повернулся:

– Что?! Ублюдок?!

И ринулся на Кэра.

Ордаш, в этот момент оказавшийся рядом, хотел встать между ними, но не успел. Зато Кэр успел выдернуть из ножен Ордаша меч. Так быстро, что гладиатор не успел помешать.

– Ты, должно быть, глух! – выкрикнул он, держа меч в локте от отшатнувшегося сокта. – Трусливый ублюдок! Вот что я сказал!

– Эй, эй! Полегче! – воскликнул Ордаш, отступая на шаг.

Ему показалось, парень сошел с ума.

Устул отпрыгнул назад и выхватил меч.

– Вот сейчас ты сдохнешь! – пообещал он, ослабившись.

– Стоять!!!

Кэр даже не подозревал, что у человека может быть голос такой силы. От рева Хар-Руда у него заложило уши. Он даже присел от неожиданности. Весь гнев вылетел из него в один миг. Такое же ощущение было и у сокта.

– Псы! – Помощник Управителя свирепо оглядел одного и второго. – Потерявший Жизнь убивает только на Арене! Только на Арене, вы, сучья дрисня!

– Он, – пробормотал Устул. – Ему на Арену... Ученик...

– Да? – с холодной яростью спросил Хар-Руд.

Потом, обернувшись к Кэру, выхватил у него меч и швырнул Ордашу:

– Держи, дурак! А ты, – он холодно оглядел Кэра, – получишь свою возможность! Через два дня! Послезавтра! Я объявляю вас третьей парой!

– Ха! – Устул свирепо осклабился. – Ты сдохнешь, сопляк! Как я тебе обещал. Поживи. Два дня.

И зашагал прочь.

– Ну? – буркнул помощник Управителя. – Ты доволен?

– Да, – совершенно спокойно ответил юноша. – Да, наставник. Через два дня я его убью!

Кэр и на миг не усомнился, что сделает это. Второй раз в жизни он держал в руке боевой меч. В первый – когда убил стражника. Сын вождя попросту не понял, что произошло, не прочувствовал. Зато, изготоясь к схватке с Устулом, он исполнился холодной уверенности. Ничего подобного юноша не испытывал, ни охотясь с рогатиной в горах Самери, ни тренируясь с деревянным мечом. Стальной клинок был предназначен для убийства. Брать жизнь – за жизнь своего хозяина. И хотя там, в Самери, Кэр так и не получил собственного меча, всё, чему учили сына вождя, было подготовкой к этому мигу, мигу, когда воину Кэру вручат смертоносный тотем клана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.